Л. М. СПИРИН

КРАХ ОДНОЙ АВАНТЮРЫ

(МЯТЕЖ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В МОСКВЕ 6—7 июля 1918 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1971

9(С)22
С72

Спирин Л. М.

С72 Крах одной авантюры (Мятеж левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 г.). М., Политиздат, 1971.

112 с. с илл.

6 июля 1918 г. в Москве вспыхиул мятеж левых эсеров. Наступил один из самых критических моментов в жизни советской столицы, всей страны.

Доктор исторических иаук Л. М. Спирин в своей работе рассказывает о том, как Советское правительство во главе с В. И. Лениным руководило подавлением мятежа, как рабочие Москвы, возглавляемые коммунистами, встали на защиту Советской власти.

Книга написана на основе исторических документов, миогие из которых использованы впервые. Иллюстрирована.

Рассчитана на массового читателя.

1—6—4
280—70

9(С)22

ПРОВОКАТОРЫ ХОТЯТ ВТЯНУТЬ РОССИЮ В ВОЙНУ

ВОКРУГ НЕМЕЦКОГО ПОСОЛЬСТВА...

В субботу 6 июля 1918 г. в четвертом часу дня председателю Совета Народных Комиссаров позвонил управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич:

— Владимир Ильич, мне только что звонил Чичерин [1]. Бомбой тяжело ранен германский посол Мирбах. Преступники скрылись на автомобиле. Подробности пока не известны.

Ленин некоторое время молчал. Затем он заговорил глухо и чуть быстрее, чем всегда...

Ленин приказал усилить охрану германского посольства, поехать туда самому Бонч-Бруевичу и по телефону сообщить все, что узнает.

Скоро председатель Совнаркома увидел в окно выезжавшие из Кремля грузовики с латышскими стрелками. Впереди в легковом автомобиле ехал Бонч-Бруевич.

После разговора с управляющим делами Ленин позвонил Дзержинскому. Возглавляемая им Всероссийская Чрезвычайная Комиссия непосредственно отвечала за безопасность немецких дипломатов.

Затем Ленин вызвал к себе председателя ВЦИК и наркома по военным и морским делам. Скоро пришел Свердлов.

Председатель ВЦИК высказал свои соображения о случившемся и стал помогать Ленину по телефону наводить справки.

Глава правительства отдал секретарю телефонограмму, которая через Моссовет была направлена во

[1] Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936) — советский государственный деятель и дипломат, член РСДРП с 1905 г., в большевистскую партию вступил в 1918 г. С весны 1918 по 1930 г. — народный комиссар иностранных дел.

все районные комитеты РКП(б), Совдепы, штабы Красной Армии Москвы. Она гласила:

«Около 3-х часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха. Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших и чехословаков. Мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников. Задерживать *все* автомобили и держать до тройной проверки.

Предсовнаркома *В. Ульянов (Ленин)*»[1]

Скоро пришло известие, что Мирбах скончался. Это еще больше взволновало председателя Совнаркома.

Террористический акт над германским послом мог круто изменить всю обстановку в стране, прервать мирную передышку, которая была так необходима молодой республике.

Ленин и его единомышленники в марте 1918 г. приложили огромные усилия, чтобы заключить мир с немцами, бросившими тогда в наступление на Россию огромную армию. Империалисты Германии предъявили настолько тяжелые условия, что в первое время даже в Центральном Комитете Коммунистической партии большинство членов высказалось против подписания договора. Но Ленин сумел доказать необходимость заключения мира. Он убедил в этом ЦК, партию, рабочих и трудящихся крестьян. Брестский договор был подписан. Его утвердили VII съезд РКП(б) и IV Всероссийский съезд Советов.

Советская Россия, получив мирную передышку, стала собираться с силами, проводить социалистические преобразования в экономике, создавать Красную Армию.

23 апреля 1918 г. в Москву прибыло германское посольство во главе с графом Вильгельмом фон Мирбахом[2]. Оно разместилось в двухэтажном особняке, принадлежавшем вдове бывшего сахарозаводчика кол-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 112—113. Телефонистом Моссовета, принявшим ленинскую директиву, отмечено время 4 часа 20 минут.

[2] В официальных документах Мирбах именовался германским дипломатическим представителем.

лежского советника фон Берга (сейчас это улица Веснина, дом № 5).

Госпожа Берг охотно отдала немецким дипломатам свою собственность, надеясь этим лучше сохранить ее.

Слуги немецкого кайзера приехали контролировать выполнение навязанного истерзанной войной России грабительского Брестского договора, по условиям которого от молодой Советской республики были отторгнуты Прибалтика, значительная часть Белоруссии, Украина и часть других земель общей площадью до одного миллиона квадратных километров с населением более 50 млн. человек. Полностью разоружались старая армия и флот, страна выплачивала Германии контрибуцию в 6 млрд. марок. Но и этого германским империалистам казалось мало. На будущее они вынашивали планы дальнейшей аннексии и полного экономического порабощения России.

И все же Советское правительство должно было принять немецких представителей, вежливо разговаривать с ними, обеспечить им нормальные условия работы. В то время главное состояло в том, чтобы как можно дольше продлить мирную передышку, полученную после заключения Брестского договора.

Среди правящих кругов Германии было по отношению к России два течения, или, как тогда говорили, две партии. «Капиталистическая партия» состояла из финансово-промышленных тузов, которые выступали за экономическое закабаление нашей страны «мирными» средствами. Они были сторонниками Брестского договора. «Военная партия» была за покорение России и свержение Советской власти вооруженным путем. Между этими партиями шла борьба. Пока верх брала первая. Но обстановка могла измениться. «...С минуты на минуту, со дня на день,— говорил 14 мая 1918 г. В. И. Ленин,— надо быть готовыми, надо ждать перемены политики в интересах крайней военной партии» [1].

В первое время после приезда в Москву немцы как бы выжидали, изучая обстановку. Мирбах предпочитал открыто не вступать в прямые связи с враждебными Советской власти группировками, демонстриро-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 334.

вал «лояльность» к руководителям Советского правительства. 16 мая он посетил в Кремле председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина.

Беседа продолжалась 35 минут. Она носила официальный характер, касалась советско-германских отношений, и прежде всего налаживания экономических связей между двумя государствами [1].

Содержание разговора посол немедленно передал в Берлин. Мирбах отметил большой оптимизм Ленина, заявившего ему, что из всех политических партий России только большевики представляют действительную организующую силу в стране, способную установить порядок, что противники Советской власти не в состоянии свергнуть новый строй. При этом Мирбах заметил, что председатель Совнаркома несколько недооценивает противников большевиков [2].

Однако «лояльное» отношение немцев продолжалось недолго. Немцы полагали, что начавшаяся интервенция государств Антанты и восстания белогвардейцев могут привести к свержению большевиков и образованию правительства, которое объявит Германии войну. Поэтому они решили быстрее вмешаться в дела России, опередить Антанту, помочь внутренним контрреволюционным силам свергнуть Советскую власть и поставить прогерманское правительство.

2 июня Мирбах сообщает в Берлин: «Пришло время перегруппироваться». И ставит вопрос об установлении связей с монархистами и другими контрреволюционерами. Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Кюльман сделал пометку на этом сообщении: «Согласен, только осторожно».

Подобные требования шли и от других немецких представителей в России. Из Петрограда резидент фон Райлер доносил прусскому принцу Генриху: «То из двух государств (имелись в виду Англия или Германия.— *Л. С.*), которое прежде сумеет реставрировать монархию в России, получит всю Россию под свое влияние».

Мирбах в двух последних донесениях в Берлин (от

[1] См. «Известия ВЦИК», 17 мая 1918 г.

[2] См. «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte». München, 1968, N 1, S. 80.

25 и 28 июня) предлагал целый план мероприятий Германии в России.

Совещание представителей немецкого правительства и верховного главнокомандования, состоявшееся 2—3 июля в городе Спа в присутствии кайзера, приняло решение увеличить помощь донскому казачьему атаману Краснову, готовиться к открытой поддержке монархистов в России, но одновременно продолжать начавшиеся в конце июня переговоры с представителями Советского правительства по уточнению условий Брестского договора, ибо время для открытой борьбы с большевиками еще не настало[1].

Следуя указаниям Берлина, германское посольство в Москве приступило к сколачиванию сил контрреволюции из монархистов, бывших октябристов, правых кадетов.

К этому времени часть российской буржуазии осуществила внешнеполитическую переориентацию. До заключения Брестского договора бывшие правящие классы России делали ставку в основном на государства Антанты. Теперь некоторые из них стали добиваться помощи Германии. Еще 30 апреля Мирбах сообщал германскому канцлеру: «Те самые круги, которые яростно поносили нас раньше, теперь видят в нас если не ангелов, то по крайней мере полицейскую силу для их спасения»[2].

Глава кадетов в Москве князь Долгоруков писал, что летом 1918 г. бывшие помещики, капиталисты, купцы оказывали на ЦК кадетов сильное давление, требуя делать ставку на Германию. Они часто ходили в посольство к немцам. «В середине лета,— продолжал Долгоруков,— князь Х рассказывал мне, приехав прямо от графа Мирбаха, как он его умолял направить в Москву хоть один германский корпус, чтобы прогнать большевиков. Граф Мирбах отвечал ему, что ежедневно к нему с такой же просьбой обращаются несколько человек.

---

[1] «Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов». М., 1968, стр. 566—578.

[2] «Germany and the Revolution in Russia 1915—1918». Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z. A. B. Zeman. London, 1958, p. 121.

— Вы, правые, умеете только просить, но за вами никто не стоит,— заключил Мирбах»[1].

У Мирбаха были на приеме бывший царский министр Кривошеин и барон Нольде, представлявшие подпольную организацию «Правый центр», князь Урусов, граф Леонтьев, бывший обер-прокурор Священного Синода князь Оболенский. Они, преследуя свои узко классовые интересы, торгуя Россией оптом и в розницу, умоляли немцев свергнуть Советскую власть, вернуть им поместья, фабрики и заводы, соглашались даже на превращение России в германскую провинцию.

«Пусть русская буржуазия мечется от ориентации французской к ориентации немецкой,— говорил В. И. Ленин в мае 1918 г.— Им это нравится. Они в нескольких местах видели, какая хорошая гарантия против мужика, берущего землю, и против рабочего, строящего основы социализма, находит себе место в немецкой поддержке. Они вчера, в течение долгого времени, в течение нескольких лет называли изменниками родины тех, кто осуждал империалистскую войну и раскрывал глаза на нее, а ныне они все готовы в несколько недель переменить свою политическую веру и от союза с хищниками английскими перейти к союзу с хищниками германскими против Советской власти»[2].

А Мирбах, чем сильнее разгоралась интервенция и гражданская война в России, тем мрачнее оценивал обстановку в Советской России. 25 июня он сообщал в Берлин: «Мы, несомненно, находимся у постели тяжело больного, который случайно может еще показать видимость улучшения, но кончина которого предрешена»[3].

Советское правительство знало, что делалось вокруг германского посольства. Несмотря на это, оно вынуждено было строго выполнять Брестский договор и не только терпеть империалиста Мирбаха, но и тща-

---

[1] *П. Д. Долгоруков.* Национальная политика и партия народной свободы. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 8.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 334.

[3] «Germany and the Revolution in Russia 1915—1918». Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z. A. B. Zeman. London, 1958, p. 139.

тельно оберегать его и сотрудников посольства от возможных эксцессов, исключить возникновение конфликта, иначе — война с Германией, а это поставило бы само существование Советской республики перед смертельной угрозой.

И вот теперь негодяи от контрреволюции пытаются сорвать завоеванный огромной ценой мир. Они выбрали для этого удачный момент.

Еще весной 1918 г. на севере страны и на Дальнем Востоке высадились войска англо-французских, японских и американских империалистов, создавшие плацдармы для наступления в глубь России.

В конце мая Антанта подняла мятеж чехословацкого корпуса, который состоял из военнопленных австро-венгерской армии и должен был через Сибирь и Дальний Восток уехать в Западную Европу. Чехословаки захватили железную дорогу от Самары до Владивостока. На помощь интервентам выступили разбитые, но не уничтоженные эксплуататорские классы, которые не могли примириться с потерей власти и былых привилегий. К середине лета на большей части Среднего Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока Советская власть была свергнута объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции. На захваченных землях были созданы антисоветские правительства.

На Северном Кавказе действовала белогвардейская Добровольческая армия Деникина, на Дону — белоказачья армия атамана Краснова. Английские империалисты готовились к захвату Закавказья и Средней Азии.

Территория Республики уменьшалась с каждым днем. Вокруг Страны Советов замыкалось огненное кольцо фронтов.

Сильно обострилось положение и внутри Республики. Страна была отрезана от главных сырьевых и продовольственных источников. Начался голод. Правда, в губерниях центрально-черноземного и северо-восточного районов хлеб был, но деревенские богатеи не давали его. Кулаки выступили злейшими врагами Советской власти. В этих условиях Коммунистическая партия и рабоче-крестьянское правительство вынуждены были принять чрезвычайные меры. Они укрепили

хлебную монополию, запретили свободную продажу хлеба, ввели на него твердые цены, предоставили Наркомпроду особые полномочия подавлять сопротивление деревенской буржуазии, прятавшей продовольствие. Борьбу за хлеб Ленин рассматривал как борьбу за социализм.

Партия большевиков организовала великий поход рабочих в деревню за хлебом. На помощь им пришла деревенская беднота, которая на основе декрета ВЦИК от 11 июня 1918 г. объединялась в комитеты бедноты (комбеды).

«Либо,— писал В. И. Ленин,— сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворят правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе;

— либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и путаных людей (анархистов и левых эсеров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности»[1].

Летом в деревне сильно обострилась классовая борьба. Оформились два противоположных лагеря: кулаки и беднота. Одна часть середняков заняла нейтральную позицию, другая — временно качнулась в сторону кулаков, и только небольшие слои их выступили за поддержку Советской власти.

Используя недовольство продовольственной политикой, деревенская буржуазия поднимала мятежи против Советской власти.

Особенно тяжелое положение складывалось в городах. Подвоз хлеба в Москву, Петроград и другие большие города катастрофически сокращался. На

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 360.

карточки все меньше и меньше выдавали продуктов. Из-за нехватки сырья сокращалась работа на фабриках и заводах, некоторые совсем останавливались. Меньшевики и эсеры подбивали несознательных рабочих на забастовки.

Контрреволюционные тайные организации, состоявшие из офицеров царской армии, сынков помещиков, капиталистов, торговцев готовили в городах заговоры против Советской власти.

«Ряды активной контрреволюции, точившей втайне нож на Советскую власть,— говорилось в письме ЦК РКП(б),— пополнялись из многочисленного кадрового офицерства, из сыновей помещиков и буржуазии. Этим людям нечего было терять. Среди них бродила мысль, что удачный военный заговор сразу может вернуть все, что потеряно ими было в октябре. Они опирались в своей работе на сочувствие и прямую поддержку не только всех буржуазных элементов России, но и активную денежную, материальную и моральную поддержку заграничных империалистов. В их руках были известные запасы оружия, несомненный боевой опыт и дисциплинированность, вынесенные из службы в армии»[1].

В полдень 6 июля Ленин получил через секретариат заместителя наркома путей сообщения Невского телефонограмму комиссара охраны северных железных дорог Андреева о начавшемся мятеже белогвардейцев в Ярославле[2]. Как потом выяснилось, из 6 тысяч восставших более тысячи составляли офицеры. Мятежники 16 дней держали город в своих руках. Одновременно с Ярославлем вооруженные выступления белогвардейцев произошли в Рыбинске и Муроме.

Убийство Мирбаха до предела накалило обстановку.

Сотрудник немецкого посольства Г. Хильгер впоследствии вспоминал: «Положение большевиков было критическим. Они должны были считаться с возможностью того, что германское правительство могло использовать убийство своего посла в качестве предлога для объявления новой войны против Советской

[1] «Правда», 8 февраля 1919 г.

[2] Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), ф. 5, оп. 1, ед. хр. 2569, л. 1.

республики или по меньшей мере для возобновления политического и экономического давления, ибо Брест-Литовский договор за четыре месяца не дал ожидаемых выгод»[1].

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ

В 2 часа дня 6 июля к германскому посольству подъехал открытый автомобиль № 27-60, который принадлежал Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Из него вышли два человека и направились к парадному крыльцу. Шофер остался в машине, мотор которой продолжал работать.

Один из приехавших долго объяснял швейцару на ломаном немецком языке цель приезда, после чего прибывших впустили в здание. Позвали переводчика лейтенанта Мюллера, а затем действительного тайного советника доктора Рицлера.

Посетители предъявили удостоверение за подписями председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Дзержинского и секретаря Ксенофонтова. В нем говорилось, что работник ВЧК Яков Блюмкин и представитель ревтрибунала Николай Андреев уполномочены вести переговоры с германским послом.

Доктор Рицлер пригласил посетителей в малиновый зал посольства, служивший приемной. Блюмкин заявил, что ему необходимо переговорить лично с послом. Рицлер доложил об этом Мирбаху, после чего тот вышел.

Блюмкин и Андреев хорошо ориентировались в обстановке. Они сразу же заняли выгодное «стратегическое» положение. Получилось так, что, когда все сели за массивный с мраморной крышкой стол, Блюмкин оказался в кресле спиной к окну и имел «свободный маневр». Напротив него — Рицлер и Мюллер. Яркий свет из окна бил им прямо в глаза. Мирбах занял отдельное кресло. Андреев пристроился около двери, имея хороший обзор всего зала, контролируя одновременно вход в него.

[1] *G. Hilger, A. Meyer*. The Incompatible Allies. A Memoir — History of German — Soviet Relations 1918—1941. N-Y., 1953, p. 6.

Блюмкин вынул из портфеля документы на отдаленного родственника посла Роберта Мирбаха, обвинявшегося в шпионаже против Советской Республики. Посол заявил, что не имеет никакого отношения к этому делу. Рицлер предложил прекратить переговоры и дать письменный ответ.

Тогда сидевший в стороне Андреев обратился к Блюмкину:

— По-видимому, послу угодно будет знать меры, которые могут быть приняты против него. Это был условный пароль.

Блюмкин, повторив эту же фразу, вскочил с места, выхватил из портфеля револьвер и выстрелил: вначале в Мирбаха, затем в находившихся в зале работников посольства. Однако первые пули не достигли цели. Рицлер и Мюллер спрятались под стол. Мирбах побежал в другую комнату. Стрельба продолжалась. Следующая пуля, выпущенная, по утверждению Рицлера, Андреевым, настигла Мирбаха, и он упал. Чтобы усилить панику, Блюмкин быстро извлек из портфеля бомбу и бросил ее. Она не взорвалась. Тогда он достал другую.

«Вдруг,— сообщалось в одном из документов,— в 2 часа 40 минут раздался сильный взрыв, выбились окна в первом этаже особняка Мирбаха, левее парадного крыльца.

Минуты через три выскочил из окна первого этажа человек, затем — через железный забор на панель и в автомобиль. Вслед за ним — другой, в черном пиджаке или сюртуке, с длинными распущенными волосами, также из окна через железный забор на панель и прямо-таки кубарем ввалился в автомобиль № 27-60, который сейчас же поехал к Пречистенке» [1].

Со двора выбежали люди, открыли стрельбу, но машина исчезла за поворотом.

В суматохе террористы забыли портфель, в котором было дело о Роберте Мирбахе, удостоверение на имя Блюмкина и Андреева, револьвер, бомба английского образца. Содержимое портфеля помогло выяснить, кто стрелял в германского посла.

[1] Архив отдела истории КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее архив отдела истории КПСС ИМЛ), инв. № 288, л. 31.

Сотрудник посольства барон Карл фон Ботмер в своем дневнике писал потом, что первые четверть часа после взрыва в посольстве царила неразбериха. Попытки сообщить представителям Советской власти о случившемся по телефону не дали положительного результата. Часа в три Ботмер вместе с переводчиком лейтенантом Мюллером поехал в Народный комиссариат иностранных дел.

Ботмер писал, что, проезжая по Театральной площади, он видел много народу, пеших и конных красноармейцев, несших охрану Большого театра, в котором проходил V съезд Советов. В столице было шумно и знойно. Приближалась сильная гроза.

Народный комиссариат иностранных дел помещался тогда на Театральной площади (ныне площадь Свердлова) в здании гостиницы «Метрополь». Здесь представитель немецкого посольства встретил заместителя наркома Карахана и сообщил ему, что неизвестными лицами совершено покушение на графа Мирбаха. Посол тяжело ранен. «Наше сообщение,— писал Ботмер,— явно потрясло его. Он обещал оповестить все руководящие инстанции...» [1]

НЕОБХОДИМО ПРОДЛИТЬ МИРНУЮ ПЕРЕДЫШКУ...

В сложившейся обстановке многое зависело от того, как будет информировано правительство Германии.

Ленин, получив известие о смерти Мирбаха[2], принял решение немедленно ехать в немецкое посольство, выразить соболезнование и повлиять на содержание донесений в Берлин.

В пятом часу шофер Ленина Гиль подъехал на автомобиле к главному подъезду здания Совета Народных Комиссаров (бывшее здание Судебных установ-

---

[1] K. Bothmer. Mit Graf Mirbach in Moskau. Tübingen, 1922, S. 73.

[2] Свидетельство немецкого врача гласило, что 47-летний граф Вильгельм фон Мирбах умер в 3 часа 15 минут 6 июля 1918 г. (см. архив отдела истории КПСС ИМЛ, инв. № 228, л. 72).

лений). В машину сели Ленин, Свердлов и Чичерин. Они выехали из Троицких ворот Кремля на Воздвиженку (ныне проспект Калинина), миновали гостиницу «Петергоф», где в то время помещался ЦК РКП(б), и скоро достигли Арбатской площади.

На Арбате было шумно. У продовольственной лавки стояла длинная очередь за хлебом. То и дело проезжали трамваи, извозчики, редкие в то время автомобили. Судя по афишам, театральная жизнь столицы 6 июля шла своим чередом. На круглой будке — свежие афиши с именами Шаляпина, Собинова, Неждановой...

Перед Смоленской площадью машина свернула налево, в Денежный переулок. В германском посольстве Ленин увидел кроме Бонч-Бруевича Дзержинского, Карахана, работников ВЧК. Дзержинский рассказал Ленину некоторые подробности убийства посла, показал документ Блюмкина и Андреева с подделанной подписью, пояснил, что это левые эсеры, работавшие в ВЧК.

Ленина и его спутников пригласили в большую парадную комнату. Председатель Совнаркома сделал на немецком языке небольшое заявление. Он выразил соболезнование по поводу случившегося внутри здания посольства, где Советская власть не имела возможности оказать помощь германским дипломатам, сказал, что все будет немедленно расследовано и виновные понесут заслуженную кару.

Простившись, представители советской делегации вышли во внутренний двор. В это время приехал на автомобиле комиссар ВЧК Беленький и сообщил, что он видел Блюмкина в отряде Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

Дзержинский решил немедленно ехать в отряд, чтобы арестовать Блюмкина и тех, кто его укрывает. «Партию левых социал-революционеров я не подозревал еще, думал, что Блюмкин обманул ее доверие» [1],— писал он несколько дней спустя.

В это время пришло известие, что заместитель Дзержинского Александрович и некоторые другие

[1] «Красная книга ВЧК», под редакцией П. Макинциана. М., 1920, т. I, стр. 191.

левые эсеры исчезли из здания ВЧК, причем Александрович прихватил с собой 550 тыс. рублей.

Дзержинский с группой чекистов отправился в отряд ВЧК, а Ленин, Свердлов, Бонч-Бруевич — в Кремль.

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Левые эсеры оформились в самостоятельную организацию в конце ноября 1917 г., отколовшись от партии социалистов-революционеров, существовавшей с 1902 г. Как и все мелкобуржуазные партии, левые эсеры не признавали социалистического характера Октябрьской революции, отрицали руководящую роль рабочего класса, необходимость установления диктатуры пролетариата, рассматривая последнюю как господство меньшинства населения. Диктатуру пролетариата левые эсеры пытались подменить «диктатурой демократии», «диктатурой рабочих и крестьян». Они не понимали, что главный принцип диктатуры пролетариата — союз рабочих с трудящимся крестьянством — предусматривал обязательное руководство со стороны пролетариата. Левые эсеры, будучи выразителями интересов главным образом средних слоев деревни, продолжали рассматривать крестьян как главную силу в переустройстве общества. Крестьянство, утверждала лидер левых эсеров Мария Спиридонова,— это «класс будущего, жизнеспособный и устойчивый исторически, класс, несущий миру и новый строй, и новую правду» [1].

Левые эсеры считали, что в одной России социализм построить нельзя. «Вне мирового революционного движения, направленного на полное сокрушение капитализма,— писал активный деятель этой партии Камков,— попытка культивировать социалистический питомник в России, есть при самом благосклонном отношении — нелепость» [2].

Вместе с тем левые эсеры были единственной мелкобуржуазной партией, которая признала Советскую

[1] «Наш путь», 1918, № 1, стр. 16.
[2] «Наш путь», 1918, № 2, стр. 219.

власть. И учитывая, что за ними в период Октябрьской революции шли большие массы крестьянства, требовавшие уравнительного землепользования, большевики для завоевания крестьянства на сторону Советской власти, для укрепления союза рабочих и тружеников деревни решили пойти на соглашение, на компромисс с левыми эсерами.

Еще во время работы II съезда Советов (26 октября 1917 г.) большевики предложили левым эсерам войти в состав Советского правительства. Но те отказались. Правда, на съезде делегаты левых эсеров вынуждены были голосовать за декреты, внесенные большевиками. Иначе они потеряли бы идущие за ними массы. Только в середине ноября левые эсеры, видя, что большинство крестьян поддерживает Советскую власть, дали согласие участвовать в правительстве. Членами Совнаркома стали левые эсеры В. А. Карелин (нарком имуществ Российской республики), А. Л. Колегаев (нарком земледелия), П. П. Прошьян (нарком почт и телеграфов), В. Е. Трутовский (нарком по делам местного самоуправления), И. З. Штейнберг (нарком юстиции) и другие.

Наряду с постами наркомов многие левые эсеры заняли ответственные должности в различного рода военных и гражданских комитетах, комиссиях, коллегиях, в том числе в ВЧК. По настоянию ЦК партии левых эсеров в январе 1918 г. в ВЧК были введены левые эсеры В. Д. Волков, М. Ф. Емельянов, П. Ф. Сидоров. В. А. Александрович стал первым заместителем Ф. Э. Дзержинского. Позже в ВЧК был введен заместителем председателя левый эсер Г. Д. Закс.

Заключив соглашение с левыми эсерами, большевики ни на один день не прекращали идеологической борьбы с этой партией, то есть свято выполняли ленинский принцип компромиссов с непролетарскими партиями.

В первые месяцы Советской власти левые эсеры, хотя и проявляли колебания и шли к социализму, по меткому выражению Ленина, задом наперед, во многих вопросах поддерживали большевиков. Но чем дальше развивалась социалистическая революция, тем больше разногласий возникало между ними и партией коммунистов.

Блок большевиков с левыми эсерами просуществовал только до марта 1918 г. В знак протеста против заключения Брестского договора, который левые эсеры расценивали как соглашение большевиков с империализмом (недопустимое, с точки зрения левых эсеров, ни при каких условиях), как тормоз развития революции в мире, в частности в Германии, они вышли из Совнаркома. Это было проявление мелкобуржуазной революционности, а попросту — авантюризма. Левые эсеры не хотели понять, что Советская Россия не имела тогда сил противостоять немецкой армии и поэтому вынуждена была пойти на большие жертвы, лишь бы спасти первое в мире государство рабочих и крестьян.

Однако, выйдя из Совнаркома, левые эсеры остались в коллегиях наркоматов, военном ведомстве, в разных комитетах, комиссиях, в Советах. Так, в коллегии ВЧК к июлю 1918 г. из 20 человек 7 были левыми эсерами, во ВЦИКе четвертого созыва (март — июль 1918 г.) из 207 членов левых эсеров было 48, большевиков — 141. Многие левые эсеры, продолжая занимать ответственные посты, выступали то прямо, то завуалированно (нахождение их в советских органах часто не давало им возможности выступать открыто) против Брестского договора.

В конце весны — начале лета левые эсеры резко усилили борьбу против Советской власти. Основными причинами были: объявление большевиками борьбы с мелкобуржуазной стихией, развитие социалистической революции в деревне, дальнейшее классовое размежевание в крестьянстве.

Когда пролетариат не применял мер принуждения к мелкой буржуазии, мешавшей упрочению позиций социализма, левые эсеры шли с большевиками. Но, когда партия большевиков, спасая рабочих и красноармейцев от голода, вынуждена была принять чрезвычайные меры, чтобы получить хлеб не только у кулаков, но и у середняков, имевших излишки продовольствия, левые эсеры заколебались еще больше, обострили борьбу с Советской властью.

Левые эсеры делили крестьян только на две группы: трудовых крестьян и кулаков. К первым они относили тех, кто не пользовался чужим трудом, независимо от того, сколько имел земли, скота, хлеба. Они

отрицали тот факт, что трудовые крестьяне состояли из бедняков, середняков и богатых, что последние имели излишки хлеба, спекулировали ими.

Левые эсеры утверждали, что у крестьян можно брать хлеб только в том случае, если за него будет полностью заплачено промышленными товарами. Но рабочие не имели в то время необходимых товаров широкого потребления. Они просили крестьян дать хлеб государству, помочь защитить завоевания Октября. Некоторые слои крестьян понимали это и шли навстречу Советской власти. Конечно, в их число не входили деревенские богатеи. Даже часть средних крестьян, в которых временно взял перевес собственник, мелкий буржуа, спекулянт, не хотела давать хлеба.

В этих условиях рабочий класс, Советская власть должны были проявить большую твердость, на деле осуществить требования диктатуры пролетариата: беспощадно подавить выступление деревенской буржуазии и наряду с убеждением, примером и обучением опытом пресечь колебания среднего крестьянства [1].

Левые эсеры взяли под защиту богатых крестьян и перешли к новым формам борьбы против Советской власти. А тот, кто встал на защиту деревенских богатеев, неизбежно в дальнейшем должен был сомкнуться с врагами рабочих и крестьян: правыми эсерами, меньшевиками, белогвардейцами.

Таким образом, к противоречиям, вызванным заключением Брестского договора, добавились новые, порожденные глубокими социально-экономическими и политическими процессами в деревне. Левые эсеры были попутчиками пролетариата, когда в деревне в основном решались задачи буржуазно-демократической революции. Когда же большевики стали углублять классовую борьбу в деревне, развивать там социалистическую революцию, левые эсеры, отрицавшие пролетарский характер русской революции, выступили против политики большевиков, Совнаркома, против Советской власти.

Накал борьбы нарастал с каждым днем. 24 июня 1918 г. ЦК партии левых социалистов-революционеров принял постановление о насильственном срыве Брест-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 456.

ского договора путем убийства немецких представителей в России. В нем говорилось: «В самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях ЦК партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма»[1]. ЦК требовал провести «мобилизацию надежных военных сил», привлечь массы народа, которые бы «примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении». Сигналом к восстанию, говорилось в постановлении, может быть террористический акт, произведенный в Москве. Осуществить этот план должна была тройка ЦК — Спиридонова, Голубовский и Майоров.

С 28 июня по 1 июля в Малом зале консерватории проходил 3-й съезд партии левых эсеров. К моменту съезда партия левых эсеров насчитывала около 80 тыс. человек. Число не малое. Но показательным было то, что столичная партийная организация левых эсеров была одной из малочисленных. Съезд проходил при закрытых дверях. Выступления делегатов не публиковались в газетах. Съезд должен был подтвердить решение ЦК о срыве Брестского договора. Корреспонденту буржуазной газеты «Великая Россия», который присутствовал при открытии съезда, организаторы заявили: «На съезде партии левых социалистов-революционеров будет поднят вопрос о борьбе за власть»[2].

Лидеры левых эсеров призывали на съезде к насильственному изменению политики Советской власти. Спиридонова говорила: «Наша партия должна взять на себя, товарищи, все бремя восстания, на которое мы будем звать все массы, будем поджигать, подстрекать и организовывать. Только через восстание мы в состоянии будем одолеть то, что идет на нас»[3].

Выступления делегатов с мест носили иной характер. Они заявляли, что крестьяне не хотят войны с немцами, не пойдут на восстание против Советской

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 129.

[2] «Великая Россия», 29 июня 1918 г.

[3] *Л. М. Спирин.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, стр. 166.

власти, хотя многим крестьянам и не нравится ее продовольственная политика.

Но руководители левых эсеров настояли на проведении гибельного курса. В резолюции съезда они подтвердили свои возражения против Брестского договора, организации комбедов, записав: «3-й съезд признает необходимым, чтобы партия без промедления всей силой своего влияния и партийного аппарата выпрямила линию советской политики» [1].

Это был призыв к вооруженному восстанию.

НЕОПРАВДАННЫЕ НАДЕЖДЫ

В осуществлении своих планов левые эсеры возлагали большие надежды на V Всероссийский съезд Советов, думая, что им удастся получить большинство голосов. Они рассчитывали на увеличение числа левоэсеровских делегатов и полагали повести за собой представителей других мелкобуржуазных партий и беспартийных. Лидеры левых эсеров надеялись найти общий язык с «левыми коммунистами», выступавшими в свое время против Брестского договора, и тем самым внести раскол в ряды большевиков.

Обстановка перед открытием V съезда Советов и во время его работы была тяжелой. На большевиков ополчились все враги Советской власти. Буржуазная и мелкобуржуазная пресса Москвы, насчитывавшая в то время сотни газет и журналов, пошла в яростную атаку [2]. Ведь всего несколько дней назад Советское правительство обнародовало декрет о национализации крупной промышленности, принятый «в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты».

Это был сокрушительный удар по буржуазии. В октябре 1917 г. она потеряла политическую власть, теперь она лишилась экономической основы.

В начале июля 1918 г. был опубликован проект

[1] «Знамя труда», 2 июля 1918 г.

[2] В начале 1918 г. в Москве выходило около 600 буржуазных и мелкобуржуазных периодических изданий. К июлю их число уменьшилось.

конституции первого в мире государства рабочих и крестьян, в котором говорилось, что Советское государство преследует цель полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком, водворения социализма.

Эти мероприятия наряду с проведением в жизнь хлебной монополии, установлением продовольственной диктатуры, образованием комбедов, походом передовых рабочих в деревню за хлебом, борьбой с кулачеством были направлены на дальнейшее укрепление Советской власти. Они означали новый этап в развитии русской революции.

Вот почему в то время против Советской власти выступили единым фронтом все силы старого мира.

Буржуазная газета «Великая Россия» накануне открытия V съезда писала: «Едва ли найдется между всеми московскими газетами (кроме большевистских) хотя бы один орган, который за последний месяц не примкнул бы к общему хору, в унисон с редким единодушием провозглашающему: довольно социалистических опытов над живым народным организмом...» [1]

Контрреволюционная газета «Сын отечества» в передовой статье указывала, что съезд не отражает воли народа, демократии, понимая, конечно, под этим волю представителей буржуазии и ее защитников из соглашательских партий правых эсеров и меньшевиков. Газета требовала созыва какого-то рабочего съезда, независимого от большевиков.

Буржуазия и ее помощники — правые эсеры и меньшевики — хорошо понимали значение V съезда Советов, собравшегося в переломный момент развития русской революции. Они хотели использовать в своих интересах предстоящую острую борьбу между большевиками и левыми эсерами.

«Буржуазия с вожделением ждет съезда,— писала в то время «Правда».— Она с радостью встретила бы победу левых эсеров над коммунистами, ибо, несмотря на всю трескучесть фразеологии этой партии, буржуазия отлично понимает, что левые эсеры не та партия, которая способна проводить диктатуру трудящихся над эксплуататорами и довести до конца «экспроприацию экспроприаторов».

[1] «Великая Россия», 3 июля 1918 г.

Здесь буржуазная интуиция отгадывает «блудного сына», который, ушедши из отчего дома в бурную октябрьскую ночь вслед за демоном-искусителем, впоследствии вернется на старое пепелище, переставит поуютнее мебель, повесит новые занавески на окнах и заживет, как все порядочные люди, стремясь загладить скромным поведением «грехи молодости»» [1].

Разумеется, не все буржуазные и мелкобуржуазные слои верили в успех левых эсеров. Меньшевистская газета «Свободная жизнь» писала: «Партия левых социалистов-революционеров — это обыкновенные средние мужики, перепуганные за свое добро и возглавляемые лихими «левыми ребятами», у которых нет за душой ничего, кроме легкости в мыслях, страсти к сокрушению, анархистских настроений и брандмейстерских традиций» [2].

Об острой классовой и партийной борьбе накануне съезда говорили материалы, публикуемые в газетах «Правда» и «Известия ВЦИК» за 4 июля — день открытия V съезда Советов.

Центральный орган ЦК РКП(б) «Правда» сообщала:

Вести с фронтов

Оперативная сводка от 2 июля

Чехословаки

Дутовский фронт. 28 июня казаки повели наступление на ст. Семиглавый Мар (к западу от Уральска по железной дороге) в количестве свыше 3000 чел., но нашим ружейным и пулеметным огнем противник был обращен в бегство, оставив на месте более 400 убитых.

Западный чехословацкий фронт. Замечен отряд чехословаков, двигающийся от Бугуруслана к ст. Дымки (35 верст юго-западнее Бугульмы).

Восточный чехословацкий фронт. На ст. Злоказово стычка передовых частей. На шадринском направлении одна из наших разведывательных партий столкнулась с отрядом противника у д. Сухринской (20 верст

[1] «Правда», 4 июля 1918 г.
[2] «Свободная жизнь», 3 июля 1918 г.

к северо-западу от Шадринска) и заставила после перестрелки отступить противника к Шадринску.

Получены подтверждения о занятии противником Златоуста, Миаса и Бердяуша. На остальных участках чехословацкого фронта без перемен.

Выступление кулаков

Тверь, 2 июля. Бежецкий уезд, Салищинская волость.

Кулаки вооруженной силой пытались разогнать комитет бедноты, который приступил к реквизиции излишков хлеба. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией арестовала двух организаторов выступлений против бедноты. Найдено и отобрано два пулемета системы «Кольт» и больше ста двадцати винтовок.

Дела контрреволюционеров

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия постановила передать в революционный трибунал дело монархиста Коренева, который занимался в Москве черносотенной агитацией. Также передается в революционный трибунал дело арестованных в Москве двух чехословаков: торгового агента Чемуса и инженера-механика Шильгана, обвиняемых в организации чехословацких отрядов.

«Известия ВЦИК» писали:

От Президиума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. К рабочему населению Москвы

В течение последних двух дней контрреволюционерами распространяются слухи о производящихся в Москве массовых продовольственных обысках. Темная работа провокаторов ведется главным образом в рабочих кварталах и среди товарищей железнодорожников. Мрачные расчеты злоумышленников, однако, не удались вследствие общего недоверия к ним рабочих.

Произведенная Советом тщательная проверка указанных слухов обнаружила полную их вздорность. Ни одного продовольственного обыска в эти дни не было, помимо производимых в обычном порядке инспекцией Продовольственной Управы.

Ни одного распоряжения об обысках ни Советом, ни другими советскими организациями не давалось.

Московский Совет считает необходимым заявить, что массовые обыски для обнаружения продовольствия могли бы им производиться только при участии районных Советов, через Комиссариат милиции и, конечно, не у рабочих, а только в квартирах богачей.

Долой провокаторов! Все к выдержке и спокойствию!

Урок

Вся печать (и социал-предательская в том числе) констатирует с редким единодушием факт скандальнейшего провала «политической» (и даже очень!) стачки, объявленной совещанием «уполномоченных»... фабрикантов и заводчиков на 2 июля.

Чистосердечное признание самих социал-штрейкбрехеров освобождает нас от необходимости убеждать кого бы то ни было в том, что рабочие массы России, невзирая на все ухищрения буржуазных лакеев-меньшевиков и правых эсеров, остались и остаются под красными знаменами Советской власти.

Но урок 2 июля имеет и другое значение.

В этот день рабочие массы России, и особенно столиц, дали почувствовать партиям предателей и их вдохновителям, что в борьбе с Советской властью последние могут и должны искать союзников где угодно,— только не в рабочих массах.

Урок 2 июля — это блестящий ответ Советской России на полувопросы господ Ллойд-Джорджа и Асквита: есть ли и какое именно правительство в России?

Дело о кадетах

ВЧК по борьбе с контрреволюцией закончила следствие по делу кадетов.

Дело это началось в связи с контрреволюционными выступлениями кадетской партии, особенно усилив-

шимися после декретов Совета Народных Комиссаров в области урегулирования финансового аппарата Республики, борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, а также в области урегулирования взаимоотношений между рабочим государством России и православным духовенством, по отношению к которому были приняты меры, подчиняющие пользование церковным имуществом и капиталами согласно общим нормам, выработанным Рабоче-Крестьянским правительством...

* *
*

И вот 4 июля 1918 г. в Большом театре начал работу V Всероссийский съезд Советов.

Присутствовавший на съезде английский представитель Роберт Локкарт впоследствии писал: «По правую руку от Свердлова размещены левые социалисты-революционеры, бритые, хорошо одетые и, очевидно, принадлежащие к образованным классам,— Камков и Карелин, затем Черепанов, на крайнем конце — тридцатидвухлетняя предводительница партии Мария Спиридонова, скромно одетая, с гладко зачесанными назад волосами и в пенсне, которым она беспрестанно играет,— живой портрет учительницы Ольги из чеховских «Трех сестер»...

Сосредоточенный фанатичный взгляд ее глаз свидетельствовал о том, что перенесенные ею страдания отразились на ее психике. В качестве политической деятельницы она была не сдержанна, не деловита, но пользовалась огромной популярностью. Для членов ее партии она являлась идеальной фигурой» [1].

---

[1] *Р. Локкарт.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, стр. 287—288.

Лидер партии левых эсеров Мария Александровна Спиридонова (1884—1941 гг.) начала свою деятельность мелкобуржуазной революционерки с 16 лет, вступив в тамбовскую боевую дружину социалистов-революционеров.

16 января 1906 года она стреляла в тамбовского вице-губернатора Луженовского, прославившегося зверскими расправами с крестьянами.

Военный суд приговорил ее к смертной казни, которая заменена была вечной каторгой. После Февральской революции Спиридонова — активный член левого крыла партии социалистов-революционеров С весны 1918 г. она все больше выступает против политики Совнаркома, против большевистской партии, прибегая

Левые эсеры в то время уже знали, что они на съезде в меньшинстве. Из 1164 делегатов их было всего 353 (30%), а коммунистов — 773 (более 66%). Знали они и о том, что большевики монолитны. На состоявшемся 3 июля заседании большевистской фракции V съезда Советов, сообщала «Правда», при голосовании резолюции из 500 присутствовавших ни один делегат не выступил против и только 9 воздержались. «Тут было,— продолжала газета,— не продиктованное дисциплиной голосование, как на открытых заседаниях съезда. Во фракции каждый голосует свободно, по своему разумению.

И, когда после доклада тов. Ленина, перешли к голосованию резолюции, то никто не внес никакой другой резолюции, кроме резолюции горячего одобрения политики ЦК партии и Совета Народных Комиссаров» [1].

И все же левые эсеры тешили себя надеждой, что им удастся повлиять на решение съезда. Поэтому они сразу же пошли в наступление. Начал его член ЦК Камков, считавшийся у них лучшим оратором.

Желая осложнить отношения Советского государства с Германией, он, указывая рукой на ложу, в которой сидели представители немецкого посольства, истерически кричал, что солдаты «не будут слепыми свидетелями того, как рукой германского разбойника, рукой тех палачей, которые сюда явились, тех мерзавцев, этих грабителей, разбойников...» [2]. Шум в зале не дал Камкову закончить.

Член ЦК левых эсеров Черепанов грозил с трибуны, что они силой разгонят организации деревенской бедноты, а прибывших за хлебом рабочих вышвырнут из сел и деревень. Потом слово взяла лидер левоэсеровской партии Мария Спиридонова.

— ...Я сейчас выступаю перед вами,— говорила она,— как яростная противница партии большевиков, я, которая с самого начала выхода из тюрьмы целиком

в своих высказываниях к демагогии, к сознательному искажению фактов.

[1] «Правда», 5 июля 1918 г.

[2] «Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. Москва, 4—10 июля 1918 года». М., 1918 г., стр. 24.

спаялась с ними в борьбе, я в партии социалистов-революционеров была без передышки и делала очень много (смех) для того, чтобы расколоть партию социалистов-революционеров, чтобы отмежеваться от правых и сделать так, чтобы наша кучка, кучка левых социалистов-революционеров — совершенно маленькая, ушла оттуда целиком, отрясая прах со своих ног. Я, связанная с крестьянством, вы знаете, как сильно, я с искренностью, в которой вы не можете сомневаться (голос: «Нахалка!»), вы, товарищи, большевики, крестьяне... [1].

Шум в зале не дал ей закончить мысль. Далее Спиридонова обвиняла большевиков в том, что они вносят раскол в крестьянство, проводят неправильную продовольственную политику. Она заявила, что яблоком раздора между коммунистами и левыми эсерами является диктатура пролетариата, которую левые эсеры решительно отвергают.

Было ясно, что лидер этой мелкобуржуазной партии и сама партия шли полным ходом к контрреволюции. Надо было разоблачить левых эсеров, дать им решительный бой.

Это сделал Ленин. Напомнив о беспрерывных колебаниях левых эсеров, он сказал:

«...Наша правота в деле заключения Брестского мира доказана была всем ходом событий. И те, кто на предыдущем съезде Советов пробовал отпускать плохие остроты насчет передышки, научились и увидали, что мы получили, хотя и с неимоверным трудом, отсрочку, и за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству, и, наоборот, державы Запада сделали громадный шаг вперед к той пропасти, в которую империализм падает тем быстрее, чем идет дальше каждая неделя этой войны» [2].

Председатель Совнаркома заявил, что сейчас между большевиками и левыми эсерами происходит не ссора, а бесповоротный разрыв. Партия, ставшая на путь обмана и лжи, является окончательно погибшей.

[1] «Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Стенографический отчет», стр. 55.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 495.

Отвечая на обвинение, брошенное Спиридоновой в адрес большевиков, будто они объявили войну крестьянам, отбирая у них хлеб, Ленин продолжал:

«Неправда, что это борьба с крестьянами! Кто это говорит, тот величайший преступник, и величайшее несчастье случилось с тем человеком, кто истерически дал увлечь себя до таких речей. Нет, не только с крестьянами беднейшими, но и с средними мы не боремся. Крестьяне средние имеют во всей России ничтожные излишки хлеба. Крестьяне средние жили десятки лет до революции в условиях худших, чем живет рабочий. До революции они видели только нужду и угнетение. С этими средними крестьянами мы идем путем соглашения.

Социалистическая революция несет равенство для всех трудящихся масс...» [1].

Закончил Ленин под бурные аплодисменты большинства делегатов съезда:

«...Нет ни тени сомнения, что если мы пойдем по тому пути, который избрали и который события подтвердили, если мы будем твердо и неуклонно идти по этому пути, если мы не дадим ни фразам, ни иллюзиям, ни обману, ни истерике сбить себя с правильного пути, то мы имеем величайшие в мире шансы удержаться и помочь твердо победе социализма в России, а тем самым помочь победе всемирной социалистической революции!» [2]

Речь Ленина произвела на всех огромное впечатление. Это признавали даже открытые враги Советской власти. Локкарт писал, что Ленин своей неумолимой логикой разбил все аргументы врагов. «Постепенно весь зал подпадает под неотразимое влияние этого железного человека и слушает, как завороженный. Речь заканчивается под ураган оваций, исходивших не только от большевиков, хотя многие социалисты-революционеры не могли не сознавать, что принесет следующий день» [3].

После выступления председателя Совнаркома всем стало ясно, что карта левых эсеров бита. Тогда они

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 508.

[2] Там же, стр. 513.

[3] *Р. Локкарт.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата, стр. 291.

решили спор с большевиками кончить силой оружия.

6 июля центральный орган партии левых эсеров газета «Знамя труда» вышла с аншлагом: «Долой Брестскую петлю, удушающую русскую революцию!» В передовой статье, озаглавленной «Конец развязки», говорилось: «Дальше ждать нельзя». «Идущие дни — грозные дни».

В БОЛЬШОМ ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Для осуществления намеченных планов левые эсеры после 3-го съезда своей партии стали стягивать в Москву дружины из других городов, которые создавались по решению ЦК левоэсеровской партии с весны 1918 г. Согласно этому решению каждый член партии обязан был состоять в дружине. Штат дружины предусматривал 125 человек пехоты, пулеметную команду, отделение гранатометчиков, группу связи, всего 193 человека. К началу июля дружины левых эсеров кроме Москвы и Петрограда существовали во многих губернских городах, а также в ряде уездных центров, имея в своем составе чаще всего несколько десятков человек, иногда — несколько сотен. Руководил военными силами Главный штаб Всероссийской боевой организации при ЦК левых эсеров. В конце июня 1918 г. в него входили Д. А. Магеровский, А. М. Орешкин, И. П. Нудьга, Бедавкин, Иванов, Простосельский, Котляревский (начальник штаба)[1]. В первых числах июля были затребованы дружины из Витебска (400 человек), Петрограда (80 человек), оружие из Ярославля.

В Москве формировался «Отряд особого назначения» Всероссийской боевой организации, числившийся при Московском военном комиссариате; по штату в нем предусматривалось 675 человек, с 3 июля им командовал Сергеев. Приводились в боевую готовность дружины левых эсеров в районах города, брались на учет все члены партии, способные носить оружие.

29 июня 1918 г. в Центральном органе левых эсеров на первой странице было помещено такое объявление: «Московский комитет партии левых социал-револю-

[1] Архив отдела истории КПСС ИМЛ, инв. № 288, л. 42.

ционеров согласно постановлению заседания комитета от 26 июня извещает: все члены партии, не призванные в войска и способные владеть оружием, обязаны явиться в районные комитеты для учета до 2 июля включительно.

Районным комитетам вменяется в обязанность приступить к военному обучению членов партии согласно указаниям Главного штаба боевой организации партии левых социалистов-революционеров» [1].

Ленин в свое время обратил внимание военных властей на «Отряд особого назначения».

«Как-то спрашивает меня по телефону Владимир Ильич,— писал комиссар Московского военного округа Муралов:

— Что это у вас, какой-то отряд левых эсеров, вы ему доверяете?

— Да, этот отряд хорош,— отвечаю...

— Гм, гм... на всякий случай следите за ним зорко.

Почему, подумал я, Ильич взял под сомнение левых эсеров? Я знал, что Мария (Спиридонова.— *Л. С.*) начинает «бузить», но неужели дело может дойти до вооруженного столкновения? На всякий случай решил часто лично проверять его, присматриваться и постепенно заменять комсостав» [2].

Главной силой левых эсеров был отряд ВЧК под командой Попова, разместившийся в Большом Трехсвятительском переулке (ныне Большой Вузовский переулок), в особняке, который ранее принадлежал фабриканту Морозову. За несколько дней до мятежа отряд пополнился черноморскими матросами. Произошло это так. 28 июня в Москву из Новороссийска прибыло 500 человек черноморских матросов, которые направлялись в Вологду «для борьбы с контрреволюцией». Попов послал к ним своих агентов. 150 матросов перешли в отряд Попова. К 6 июля в отряде насчитывалось около 800 человек. На вооружении было 8 орудий, 2 броневика, с десяток пулеметов.

В «Отряде особого назначения», который находился на Поварской улице (ныне улица Воровского), состояло 199 человек. В районных боевых дружинах

[1] «Знамя труда», 29 июня 1918 г.

[2] *Н. Муралов.* Встречи с Ильичем на военной работе. «Спутник политработника», 1926, № 7, стр. 28.

города Москвы было 119 человек. Таким образом, с дружинниками, вызванными из других городов, левые эсеры к началу мятежа рассчитывали иметь около 1800 человек. Перед началом мятежа Попов запросил продуктов именно на это число людей.

Мятежники считали, что в ходе восстания к ним присоединится часть войск Московского гарнизона, многие солдаты займут нейтральную позицию. Особые надежды они возлагали на командующего Восточным фронтом левого эсера Муравьева, который должен был объявить войну Германии и двинуть войска на Москву. До этого «он получил инструкцию (от Камкова и Карелина) организовать армию так, чтобы она была в руках левых эсеров» [1].

Как же могло случиться, что в руках мятежников оказался отряд ВЧК?

В конце 1917 г. балтийский матрос, бывший анархист, а с лета 1917 г. левый эсер, Д. И. Попов навербовал из матросов и финнов отряд в 500 человек, назвав его Красно-Советско-Финляндским. В начале февраля отряд с Карельского перешейка прибыл в Петроград. В марте 1918 г. он приказом Высшего Военного Совета был переведен в Москву в распоряжение Президиума Моссовета, а 8 апреля передан в ведение ВЧК.

В первое время большинство отряда состояло из преданных Советской власти людей. Они разоружали в Москве анархистов, подавляли контрреволюционные выступления. К июлю состав отряда сильно изменился. Лучшие бойцы отправились на Восточный фронт, а вместо них Попов набрал неискушенную в политике молодежь 18—22 лет, которую легче было сбить с толку антисоветскими речами. Принятые в него черноморские матросы были настроены погромно. Лидеры левых эсеров выступали в отряде с антисоветскими речами: ругали большевиков за Брест, продовольственную политику, за потопление Черноморского флота. Подчинялся отряд непосредственно заместителю председателя ВЧК левому эсеру Александровичу, который во всем покрывал Попова.

---

[1] Партийный архив Татарского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 132, л. 13. Воспоминания А. Л. Колегаева.

Перед мятежом Попов получил указание привести отряд в боевую готовность. Для оправдания своих действий он говорил, что его хотят арестовать, что на отряд собираются напасть немцы, переодетые латышами.

* *
*

6 июля в особняк в Большом Трехсвятительском после заседания фракции левых эсеров V съезда Советов перебрались члены ЦК этой партии во главе со Спиридоновой. Они ждали известия о террористическом акте над германским послом. По свидетельству некоторых левых эсеров, окончательный срок убийства Мирбаха был определен вечером 4 июля, когда стало ясно, что подавляющее большинство делегатов V Всероссийского съезда Советов одобряет политику партии большевиков [1].

Левые эсеры боялись также, что их лидеры за провокационные речи будут арестованы на V Всероссийском съезде Советов и тогда им не удастся осуществить решение ЦК от 24 июня 1918 г. Но «так как ареста и вообще каких-либо агрессивных действий со стороны большевиков не последовало,— вспоминал активный левоэсеровский деятель С. Д. Мстиславский,— решено было поторопиться с актом и провести его обязательно до разъезда делегатов: со съездом, когда он станет перед совершившимся фактом, ЦК рассчитывал легче поладить, чем с Совнаркомом. Подготовка не требовала долгого времени: бомбы (толовые) имелись в готовом виде у боевых отрядов партии, выделенных для совершения террористических актов над фельдмаршалом Эйхгорном и Скоропадским. Все необходимые данные об особняке Мирбаха и о нем самом имелись у члена партии Якова Григорьевича Блюмкина» [2].

В этих же воспоминаниях Мстиславский приводит факты, свидетельствующие о том, что левые эсеры готовили также убийство германского консула в Петрограде, для чего туда были направлены из Москвы два террориста под кличками Михаил и Барон. Соверше-

[1] Архив сектора истории гражданской войны ИМЛ при ЦК КПСС (далее архив ИГВ ИМЛ), ф. 5, оп. 3, п. 1, ед. хр. 12, л. 1; «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 225.
[2] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 5, оп. 3, п. 1, ед. хр. 12, л. 1.

ние террористического акта предполагалось сразу же после получения известия об убийстве Мирбаха.

Блюмкин заблаговременно дал сообщение в питерские газеты о том, что из Москвы направились в Петроград два белогвардейских конспиратора, подозреваемые, помимо всего, еще и в шпионаже в пользу Германии. Предполагалось, что эта заметка обязательно будет взята на учет немецким консульством. И действительно, когда Барон и Михаил явились в Петроград и связались с консульством под теми самыми именами, которые были опубликованы в заметке, их «встретили» как старых знакомых. Став постепенно частыми посетителями консульства, они смогли довольно быстро получить все данные, необходимые им для выполнения акта.

Далее Мстиславский писал, что террористы, узнав 6 июля об убийстве Мирбаха, бросились в германское консульство, но оказалось, что консул уехал из Петрограда. Вскоре они оба были арестованы и доставлены в Москву, где их и встретил Мстиславский [1].

О покушении на Мирбаха в отряде Попова узнали примерно в 3 часа дня от приехавших туда Блюмкина и Андреева. Выслушав рассказ террористов, лидеры левых эсеров распорядились скрыть их. Блюмкин, повредивший ногу во время прыжка из окна посольства и вдобавок еще раненный, был острижен, выбрит, переодет в солдатскую форму и помещен в лазарет ВЧК, находившийся там же, в Трехсвятительском переулке. В новом обличии Блюмкина нелегко было узнать.

В шестом часу в отряд Попова прибыл Дзержинский с чекистами Беленьким, Трепаловым и Хрусталевым. Феликс Эдмундович спросил у Попова, где Блюмкин. Тот ответил, что Блюмкина в отряде нет.

Председатель ВЧК не поверил Попову и стал искать убийцу Мирбаха. В одной из комнат к нему подошли члены ЦК партии левых эсеров Прошьян и Карелин, которые заявили, что Мирбах убит по постановлению их ЦК.

Тогда Дзержинский объявил Прошьяна и Карелина арестованными, а Попову заявил, что если тот откажется выдать их, то убьет его как предателя.

---

[1] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 5, оп. 3, п. 1, ед. хр. 12, лл. 22—26.

Прошьян и Карелин сделали вид, что подчинились председателю ВЧК, но, вместо того чтобы идти за ним и сесть в автомобиль, бросились бежать в одну из соседних комнат. Дзержинского плотным кольцом обступила группа вооруженных матросов. Военный руководитель левых эсеров Саблин потребовал у него оружие.

«Неужели вы позволите, чтобы этот господин разоружил меня, вашего председателя? — обратился к матросам Дзержинский.— Вас хотят использовать для гнусной цели. Обезоружить меня, присланного сюда Совнаркомом,— значит объявить войну Советской власти». Матросы стояли в нерешительности.

В комнату вошла еще группа вооруженных людей во главе с помощником Попова Протопоповым, который схватил Дзержинского за руки. Председателя ВЧК обезоружили.

Вскоре во дворе был организован митинг, на котором выступила Спиридонова. Она пыталась оправдать действия партии левых эсеров, говорила, что большевики танцуют под дудку немецких империалистов, что революции угрожает опасность, что единственным выходом из положения было убийство Мирбаха.

Затем Карелин и Камков объявили, что согласно постановлению ЦК партии левых социалистов-революционеров Спиридонова сейчас отправится на заседание Всероссийского съезда Советов и там доложит о том, что «волею партии левых эсеров русский народ освобожден от Мирбаха».

Обращаясь к Дзержинскому и его спутникам, они заявили:

— Вы будете служить нам гарантией безопасности Спиридоновой.

На это Дзержинский ответил:

«В таком случае вам надо заранее нас расстрелять, потому что если Спиридонову арестуют, мы первые потребуем, чтобы ее ни в коем случае не освобождали» [1].

Вначале в комнату арестованных часто заглядывал Попов. Он говорил, что в Покровских казармах солдаты смещают комиссаров и присоединяются к отряду, что из Воронежа прибыли две тысячи донских казаков

---

[1] «Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

и что командующий Восточным фронтом Муравьев идет на помощь левым эсерам...

Потом к арестованным пришел член ЦК левых эсеров Черепанов. Потирая руки, он сказал:

— У вас были октябрьские дни, у нас — июльские. Мир сорван, и с этим фактом вам придется считаться. Мы власти не хотим. Пусть будет так, как на Украине. Пусть немцы займут Москву, мы уйдем в подполье...

Чтобы подкупить рядовых членов отряда, особенно матросов, Попов приказал раздать им дополнительное продовольствие и обмундирование. Те повеселели. Тащили кто новые сапоги, кто консервы и баранки. Скоро стали появляться пьяные. И среди них сам Попов.

После ареста Дзержинского группа поповцев поехала в ВЧК (в то время ВЧК размещалась на улице Лубянка, дом 11). Предводитель ее матрос Жарков имел указание ЦК партии левых эсеров арестовать всех руководящих большевиков комиссии. При помощи караула (часть караула из финнов была заменена матросами) он стал задерживать всех комиссаров.

Первым был арестован член коллегии ВЧК Лацис, временно назначенный на место Дзержинского. Услышав шум в коридоре, он вышел из кабинета и сразу же столкнулся с Жарковым. Тот наставил на него револьвер, скомандовал «руки вверх» и приказал обыскать. Узнав от караульных, что это Лацис, матрос воскликнул: «Тебя-то мне и надо!»

Лацис, воспользовавшись тем, что ему разрешили сходить за шляпой, успел забежать в комнату президиума и по телефону сообщить о случившемся в Кремль.

Главари мятежа приказали задерживать все автомобили и вместе с людьми доставлять их в штаб отряда. Так был арестован председатель Московского Совета П. Г. Смидович.

«Я ехал в Сокольнический район,— писал он в заметке, появившейся в печати 8 июля,— когда около почтамта в три часа ночи мой автомобиль был задержан. Встретили меня изумленно и вежливо. Но это не помешало отвести меня в качестве заложника в то же помещение, где находилось уже около двадцати коммунистов вместе с Дзержинским и Лацисом. Аресто-

вывали меня Черепанов, Саблин, Прошьян и другие старые знакомые и соратники вчерашнего дня...»[1] К утру 7 июля мятежники арестовали и доставили в штаб Попова 27 партийных, советских и военных руководителей.

Когда в отряд пришло сообщение об аресте в Большом театре фракции левых эсеров V съезда Советов и приехавшей туда Спиридоновой, взбешенный Попов кричал:

— За Марусю снесу пол-Кремля, пол-Лубянки, полтеатра!

Однако уже тогда среди мятежников стала появляться неуверенность в своих действиях. Многие из них и до этого не разбирались в путаной политике партии левых эсеров. Разговоры Попова, что на отряд будут наступать немцы, а потому надо обороняться, особого успеха не имели.

В КРЕМЛЕ

СОВНАРКОМ ПРИНИМАЕТ ВАЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

В 5 часов 15 минут вечера 6 июля из Кремля сообщили на радиостанцию текст депеши Ленина для передачи в Берлин полпреду РСФСР Иоффе[2].

«Сегодня в 2 часа дня двое неизвестных, пробравшись с подложным документом от Чрезвычайной комиссии в германское посольство, бросили бомбу в кабинет графа Мирбаха. Граф Мирбах, тяжело раненный, скончался. Правительство, представители которого немедленно посетили германское посольство и выразили ему свое негодование по поводу этого акта политической провокации, принимает все меры к обнаружению убийц для предания их чрезвычайному Революционному трибуналу. Усилены меры для охраны немецкого посольства и германских граждан. Правительство поручает Вам немедленно посетить германского министра иностранных дел и выразить германскому

---

[1] «Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

[2] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, сд. хр. 487, л. 20.

правительству возмущение русского правительства этим актом, а равно семью убитого графа Мирбаха для выражения ей своего соболезнования» [1].

Об аресте Дзержинского и о том, что Мирбах убит по постановлению ЦК партии левых эсеров, в Кремле узнали в седьмом часу вечера. Получив такую весть, Бонч-Бруевич немедленно пошел к Ленину.

«Он был один и когда я вошел, то стоял у окна,— вспоминал управляющий делами Совнаркома.

— Дзержинский арестован,— сообщил я ему.

Владимир Ильич нельзя сказать побледнел, а побелел.

Это бывало с ним тогда, когда охватывал его гнев или нервное потрясение при весьма опасных неожиданных обстоятельствах.

Он ринулся ко мне. Я в кратких словах рассказал ему все то новое, что накопилось к этому моменту» [2].

Для Ленина и других руководителей вооруженное выступление левых эсеров против Советской власти было неожиданным. Их поведение на V съезде Советов большевики расценили как явно провокационное, направленное на развязывание войны с Германией. Но все думали, что левые эсеры, получив достойный отпор, в конце концов успокоятся. «Чтобы дело могло дойти до восстания или до таких фактов, как измена главнокомандующего Муравьева, левого эсера,— писал впоследствии Владимир Ильич,— этого я, должен признаться, никак не ожидал» [3].

Теперь факт вооруженного выступления против Советской власти «взбесившегося мелкого буржуа», как Ленин тогда называл левых эсеров, был налицо. Перед главой Советского правительства встало много новых вопросов.

Это был мятеж партии, которая до недавнего времени находилась в правительстве, считалась советской. В борьбе с ней могли встретиться немалые трудности.

Важно было определить формы и методы борьбы. Раз мятеж поднят против законного правительства с

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 113.

[2] *Влад. Бонч-Бруевич.* Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (По личным воспоминаниям). Издание «Гудок». М., 1927, стр. 27.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 385.

целью его свержения, ответом могло быть только быстрое и решительное подавление его силой. Иначе выступление левых эсеров могли использовать белогвардейцы. Быстрой ликвидации мятежа требовало и то обстоятельство, что начались восстания в городах Среднего Поволжья.

Далее предстояло определить силы для подавления мятежа, направление главного удара, выделить для руководства боевыми действиями надежных и в то же время знающих военное дело людей, обеспечить регулярную связь между военными властями и правительством.

Большое значение Ленин придавал морально-политическому состоянию войск, большевистской агитации среди красноармейцев, разложению рядов противника.

Наконец, следовало изолировать мятежников, лишить их возможности получить резервы от воинских частей, от населения, разоружить районные эсеровские дружины. Для этого необходимо было мобилизовать коммунистов и беспартийных рабочих, занять вокзалы, мосты и другие важные стратегические пункты. Рабочий класс столицы должен был сказать свое веское слово.

Забота о судьбах революции заставила В. И. Ленина в эти дни быть особо строгим к тем, кто еще вчера являлся союзником, а сегодня поднял меч против диктатуры пролетариата.

Латышский революционер К. Х. Данишевский, близко наблюдавший Ленина в дни мятежа, писал:

«Безусловно, Владимир Ильич весьма остро воспринял гнусное предательство левых эсеров, их удар в спину рабочего государства. Но внешне Ленин был спокоен. Только по крайней бледности лица, особому грозному блеску глаз, угловатым быстрым движениям, когда он задавал вопросы и особенно когда получал не удовлетворяющие его ответы, можно было судить о том внутреннем горении, которое переживал Владимир Ильич. Он знал, что провокаторы поставили под ужаснейший удар военного наступления молодое пролетарское государство и миллионные массы рабочих. И он был до крайности разгневан. Он был беспощаден. Ибо интересы пролетарской революции ставились на карту группкой зарвавшихся авантюристов, притом из

партии, допущенной к власти. Это было предательство самого подлого пошиба. Уничтожить предателей и мятежников — такова была сущность всех письменных и устных указаний Владимира Ильича в июльские дни 1918 года»[1].

Ленину и его ближайшим соратникам прежде всего предстояло решить ряд практических вопросов. Председатель Совнаркома отдал распоряжение привести в боевую готовность гарнизон Кремля, который состоял из 9-го латышского стрелкового полка, имевшего свыше 900 человек.

Помощник коменданта Кремля М. Бауде впоследствии писал в своих воспоминаниях, что у всех четырех ворот были выставлены посты, каждый численностью до взвода. Три роты разместились на верхней части стены, две роты остались в резерве.

Пулеметная команда полка была рассредоточена по разным местам Кремля. Один пулемет поставили на углу Большого Николаевского дворца напротив Боровицких ворот, второй — на углу Кавалерского корпуса напротив Троицких ворот, третий — на первом этаже Троицкой башни в бойнице, четвертый — на углу Вознесенского монастыря напротив Спасских ворот, пятый — на стене Кремля у Москворецкой башни; шестой пулемет поместили в коридоре кремлевской стены у Зрительной башни, в узком углублении окна, находившегося на одном уровне с землей. Из него можно было обстреливать всю Красную площадь.

Пулеметчики получили много патронов и ручных гранат. Пулеметы обложили мешками с песком и покрыли деревянными щитами[2].

Часовые еще тщательнее стали смотреть пропуска в Кремль. Созданные из коммунистов две тройки начали проверку его жителей, так как в то время в Кремле кроме Дзержинского, Луначарского, Менжинского, Сталина, Цюрупы, Свердлова, Аванесова, Демьяна Бедного и многих других видных работников жили в

---

[1] «Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии». Рига, 1969, стр. 173.

[2] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Латвии (далее Партархив Института истории партии при ЦК КП Латвии), ф. 45, оп. 3, ед. хр. 5, л. 11.

Чудовом монастыре монахи. В некоторых местах осталась и царская прислуга. Кроме того среди войск гарнизона и служащих были и левые эсеры. Всех подозрительных людей следовало изолировать.

Ленин приказал председателю Высшей военной инспекции Подвойскому и комиссару Московского военного округа Муралову возглавить разгром мятежа, разработать план его ликвидации, подготовить силы для этого и доложить о состоянии войск Красной Армии в Москве. Бонч-Бруевич должен был собрать в Кремле членов правительства на экстренное заседание.

Нарком почт и телеграфов Подбельский получил задание усилить охрану телеграфа, остановить передачу телеграмм по республике, за исключением тех, которые шли за подписями председателей Совнаркома и ВЦИК, а также наркома по военным делам. Телефонные разговоры с городами разрешались только по особому паролю, который знали несколько человек. Ленин, Свердлов, народные комиссары Чичерин, Луначарский и другие по прямому проводу, телеграфом, по телефону оповещали крупнейшие города страны о событиях в Москве, давали указания о борьбе с возможными мятежами левых эсеров на местах.

Работники ВЧК и комендант Большого театра Я. А. Стрижак получили от Ленина и Свердлова указание задержать фракцию левых эсеров, собравшуюся на очередное заседание V съезда Советов.

Председатель ВЦИК Свердлов направил в Моссовет телефонограмму о приведении в боевую готовность всех революционных сил, и прежде всего рабочих. «Во все районы,— говорилось в ней, — отдать предписание: установить постоянное дежурство в районах, держать в полном порядке службу связи и тесный контакт с фабрично-заводскими комитетами, так, чтобы по первому призыву можно было бы вывести рабочих на улицу» [1].

По указанию председателя Совнаркома военные власти приступили к подготовке частей для разгрома мятежников. При этом возникли значительные труд-

---

[1] *Я. М. Свердлов.* Избранные произведения, т. 2. М., 1959, стр. 252.

ности. Военный аппарат, призванный строить регулярную Красную Армию и руководить ее боевыми действиями, только создавался, управление войсками не было налажено, отсутствовала надежная связь с частями.

Состояние войск московского гарнизона было также мало утешительно. В столице и окрестностях на 5 июля 1918 г. находилось до 60 воинских частей, отрядов и учреждений с личным составом в 24 тыс. человек. Из них около 1,5 тыс. составляли офицеры старой армии [1].

Самые боеспособные и преданные Советской власти полки были направлены на Восточный фронт против чехословаков и белогвардейцев. Большой отряд красноармейцев с утра 6 июля выехал на подавление белогвардейского мятежа в Ярославль, а накануне — в Тамбов. Многие оставшиеся в Москве части не были сформированы. В них было немало служащих, кустарей, крестьян, то есть представителей мелкой колеблющейся буржуазии. Командирами чаще всего назначались офицеры старой армии.

Даже некоторые комиссары были левыми эсерами. Член ЦК этой партии Прошьян состоял в Высшем Военном Совете республики, левый эсер Саблин (прапорщик старой армии) был военным комиссаром московского участка завесы.

Были трудности и случайного характера. Суббота 6 июля приходилась на канун большого по тому времени праздника — Иванова дня. Многих солдат отпустили из казарм. Значительная часть красноармейцев находилась в лагерях под Москвой. Все это затягивало сбор войск.

Для подавления мятежа требовался особо тщательный отбор войск. Военные власти считали, что среди частей московского гарнизона примерно одну треть составляли безусловно преданные Советскому правительству полки, около одной пятой — ненадежные, у остальных (половина) — настроение неопределенное [2].

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 117, лл. 5—30 и др.

[2] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 1148, л. 31. Документ написан рукою Н. И Подвойского с пометкой. «К докладу (о) вост. л. с.-р.»

Ленин, зная боевые и морально-политические качества 9-го латышского стрелкового полка, охранявшего Кремль, особые полномочия возложил на Латышскую дивизию, находившуюся в Москве и в лагерях на Ходынке (ныне Октябрьское поле).

В то время в четырех стрелковых и кавалерийском полках и специальных подразделениях дивизии насчитывалось 4 тыс. человек [1]. Большая часть латышей-красноармейцев происходила из рабочих, батраков и бедных крестьян. Среди бойцов и командиров было много коммунистов. В 9-м полку они насчитывали почти половину состава. Латышские стрелки имели хорошую боевую подготовку.

Председатель Совнаркома вызвал в Кремль руководителей латышских большевиков: наркома юстиции П. И. Стучку, комиссара Латышской дивизии К. А. Петерсона, старого члена партии К. Х. Данишевского. Объяснив им обстановку, сложившуюся в столице, глава Советского правительства сказал, что главная роль в подавлении мятежа левых эсеров отводится Латышской дивизии. Ленина заверили, что латышские стрелки всегда были и будут верными защитниками Советской власти [2].

Для борьбы с мятежниками решено было также использовать комендантские караульные части, Образцовый полк, курсантов, некоторые специальные подразделения, отряд интернационалистов.

Вечером состоялось экстренное совещание Совнаркома. Оно было кратким. Члены правительства обсудили и одобрили проведенные и намечаемые чрезвычайные меры.

Поздно вечером 6 июля появилось первое правительственное сообщение об убийстве Мирбаха и мятеже левых эсеров.

---

[1] В 1-м Усть-Двинском латышском стрелковом полку (находился в районе Девичьего поля, командир Август Фрейберг) было 631 человек, во 2-м Рижском латышском стрелковом полку (Ходынка, командир Фриц Риекст) — 586 человек, в 3-м Курземском латышском стрелковом полку (Замоскворечье, командир Кирилл Стуцка) — 617 человек, в 9-м латышском стрелковом полку (Кремль, командир Вальдемар Озол) — 925 человек, в кавалерийском полку (Павловская слобода) — 358 человек.

[2] См. «Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии», стр. 113—114.

«Россия теперь по вине негодяев левоэсерства, давших себя увлечь на путь савинковых и компании, на волосок от войны,— говорилось в нем.

— В Германии самая сильная партия, военная партия, давно ищет повода для наступления на Петроград, Москву и Царицын. Теперь повод для этой партии есть такой, лучше коего нельзя бы ей и желать...

Все, кто понимает безумие и преступность вовлечения России теперь в войну, поддерживают Советскую власть. В быстрой ликвидации мятежа нет ни тени сомнения.

Все на свои посты! Все под ружье!..» [1]

ПОДГОТОВКА РАЗГРОМА МЯТЕЖНИКОВ

По поручению Н. И. Подвойского и Н. И. Муралова план подавления мятежа составил начальник Латышской дивизии И. И. Вацетис [2]. Идея разгрома противника состояла в том, чтобы сосредоточить войска в важных стратегических пунктах, охватить мятежников с разных сторон и уничтожить их.

Для этой цели было организовано три группы войск. Первая группа (1-й латышский стрелковый полк с артиллерией и Образцовый полк) сосредоточивалась у храма Христа Спасителя (теперь это район станции метро «Кропоткинская»). Вторая группа (2-й латышский стрелковый полк, курсанты артиллерийских училищ с четырьмя орудиями) — на Страстной площади (ныне площадь Пушкина). Третья группа (3-й латышский стрелковый полк) — на Таганке. На Арбатской площади, имевшей особое стратегическое значение, находился полк коменданта гор. Москвы. Основные силы 9-го латышского стрелкового

[1] «Известия ВЦИК», 7 июля 1918 г.

[2] Иоаким Иоакимович Вацетис (1873—1938) — полковник старой армии, в годы первой мировой войны командовал 5-м латышским стрелковым полком. В дни Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти. С апреля 1918 г.— начальник Латышской стрелковой дивизии, с июля — командующий Восточным фронтом. Первый главнокомандующий вооруженными силами Советской республики (сентябрь 1918 — июль 1919 гг.), работал в Реввоенсовете республики, затем преподавал в военной академии.

полка оставались в Кремле, но две роты высылались в разведку на Варварку (ныне улица Разина) и Ильинку (ныне улица Куйбышева). Наступление намечалось на 4 часа утра 7 июля. План был доложен Ленину. Председатель Совнаркома, посоветовавшись с находившимися у него народными комиссарами, утвердил предложения военных властей, в том числе и назначение И. И. Вацетиса командующим советскими войсками по подавлению мятежа. При этом он потребовал решительно и быстро покончить с левоэсеровской авантюрой, систематически докладывать ему о подготовке войск к наступлению, а затем о самом наступлении.

Обстановка продолжала обостряться. Патрули левых эсеров подходили к Кремлю. Мятежники захватили телеграф (в одном здании с телеграфом находился и почтамт), который охранялся солдатами из 1-го Советского полка, размещавшегося в Покровских казармах.

Вечером 6 июля в караульное помещение телеграфа прибыло 40 человек из отряда Попова. Нарком Подбельский, узнав об этом, позвонил в Наркомвоен Троцкому и попросил помощи, но тот ничего не сделал[1]. В полночь на телеграф явились с группой матросов Прошьян и член ЦИК профсоюза работников почт и телеграфов В. В. Лихобадин и арестовали комиссаров телеграфа.

Советское правительство лишилось главного средства связи с городами республики. В Кремле о захвате телеграфа первым узнал Бонч-Бруевич.

«Звоню еще раз на телеграф,— вспоминал он.— Вызываю нашего комиссара и слышу резкий ответ:

— Здесь нет такого!..

— Слышу знакомый голос, который никак не могу узнать.

— Кто у телефона?

— Прошьян...

«Значит, эсеры заняли телеграф»,— подумал я. Кладу трубку и иду сообщить эту новость Владимиру Ильичу»[2].

---

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 164.

[2] *Влад. Бонч-Бруевич.* Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, стр. 30.

Захватив телеграф, левые эсеры стали передавать по республике документы своей партии. Продолжая прикрываться революционными лозунгами о защите Советов и завоеваний Октября, о социалистической революции, о борьбе с мировым империализмом, они надеялись обмануть народ, удержать свое влияние в массах.

Большие надежды левые эсеры также возлагали на агитацию среди частей московского гарнизона, в том числе и среди латышей. Они пытались настроить солдат в свою пользу, а латышские части нейтрализовать.

Прежде всего они стали убеждать солдат, которые находились в Покровских казармах. Вначале им от имени ЦК партии левых эсеров было послано приглашение прислать в отряд Попова своих представителей. Затем туда прибыли члены ЦК и другие видные работники левых эсеров.

В 16-м летучем отряде особого назначения выступили Черепанов и Камков. Затем Черепанов в сопровождении начальника боевой дружины при ЦК левых эсеров Фишмана прибыл в 1-й Советский караульный полк и выступил там на митинге.

В полку имени 1 марта агитировал Прошьян. Один из очевидцев так рассказал об этом. Сообщив об убийстве Мирбаха, Прошьян крикнул:

— Кто за немцев, становись на эту сторону!

Никто не тронулся с места.

— Кто против немцев, становись по другую сторону!

Ясное дело, все пошли туда.

— А раз вы против немцев, а немцы идут на нас, то присоединяйтесь к отряду Попова...

Агитация в Покровских казармах не дала ожидаемых результатов. Им удалось сбить с толку многих солдат, но использовать в борьбе с Советской властью эсеры смогли только небольшую их часть.

В выборные комитеты 2 и 3-го латышских стрелковых полков ЦК левых эсеров направил записку, заверенную печатью:

«Центральный комитет партии левых социалистов-революционеров,— говорилось в ней,— категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стре-

мится, а произвел убийство Мирбаха с целью прекратить в дальнейшем завоевание трудовой России германским капиталом. Партия коммунистов-большевиков будет играть на руку контрреволюции, если будет направлять против защищающих советский строй и Центральный комитет партии левых социалистов-революционеров частей советских войск свои обманутые части, направленные для отмщения за Мирбаха.

Центр. ком. партии Л. С.-Р.»[1]

Заявлением о нежелании захвата власти они хотели сбить латышских стрелков с толку, повлиять на ход боевых действий. В латышские полки были направлены также прокламации.

Однако посланные к латышам парламентеры мятежников вернулись ни с чем. Коммунисты 2-го латышского полка, узнав поздно вечером 6 июля о мятеже левых эсеров, в двенадцатом часу ночи собрали экстренное заседание партийного комитета. После обсуждения задач, вставших перед полком в связи с выступлением мятежников, коммунист Эшмит, выражая общее мнение членов РКП(б) заявил:

«Когда поднимают голову контрреволюционеры, надо действовать»[2]. Все латышские стрелки высказались за оказание немедленной помощи большевикам.

Левые эсеры вели пропаганду и среди населения Москвы, в том числе и среди рабочих. Они выпустили несколько воззваний и бюллетеней, текст которых частично передали по телеграфу в другие города. Но рабочие Москвы не поддались на пропаганду левых эсеров, выступавших с ультрареволюционными лозунгами, не дали обмануть себя высокими словами. Сказались длительная работа большевиков в массах, опыт классовой и партийной борьбы. Твердая позиция пролетариата столицы в защите Советской власти, политики Коммунистической партии и Совнаркома во многом определила поведение мелкобуржуазных слоев города. Никто в столице не откликнулся на призывы левых эсеров. Так мятежники проиграли первый бой с большевиками — бой на идеологическом фронте.

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 170.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 43, оп. 1, ед. хр. 3, л. 117.

Ленин, получив сведения о занятии мятежниками телеграфа, дал указание сменить охрану телефонной связи, которая находилась в руках левых эсеров. Подбельский направил на телефонную станцию отряд латышей из Кремля вместе с членом коллегии наркомата почт и телеграфов Николаевым. Приостановив работу всей телефонной сети, они должны были включать номера строго по списку.

Все произошло быстро. Назвавшись левыми эсерами, новая охрана сменила старую. Управляющий московской телефонной сетью эсер-максималист Пупко, пытавшийся протестовать, был удален. Телефонная связь перешла в руки советских войск, о чем было немедленно сообщено в Кремль.

В. И. Ленин, выслушав доклад Николаева о занятии станции, о том, что все телефоны отключены, кроме его телефона, дал указание немедленно включить по списку наши телефоны.

Скоро Ленин сам позвонил Николаеву и попросил его срочно связаться с Ходынской радиостанцией и дать от имени Совнаркома циркулярное распоряжение по всем приемным радиостанциям о том, что бандиты заняли Центральный телеграф, поэтому «считать все телеграфные распоряжения с такого-то часа провокационными» [1].

Дежурный по Ходынской радиостанции передал экстренное распоряжение Совнаркома председателям исполкомов Советов и партийных комитетов большевиков.

В полночь в Кремль прибыли Вацетис и Данишевский. Председатель Совнаркома, встревоженный затяжкой сбора советских войск в местах назначения, предложил обрисовать военную обстановку в городе.

Вацетис доложил, что положение для него еще не ясно, войска быстро собрать невозможно, в 4 часа наступление начать нельзя, что ему потребуется два часа для объезда города и сбора сведений.

В час ночи Ленин написал телеграмму наркому Сталину в Царицын. В ней говорилось, что мятеж левых эсеров в Москве будет быстро и решительно ликвидирован. «Повсюду необходимо подавить беспо-

[1] См. *А. М. Николаев.* Ленин и радио. М., 1958, стр. 33.

щадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров. Все, кто против войны, будут за нас» [1].

Несмотря на то что левые эсеры к тому времени захватили телеграф, этот документ удалось передать из Кремля в Царицын в 1 час 20 минут. Видимо, мятежники еще не установили тогда полного контроля за телеграммами. Только в 1 час 35 минут, когда передавался ответ Ленину из Царицына, левые эсеры прервали связь [2].

В два часа ночи в Кремль снова прибыл Вацетис, теперь уже с Подвойским. Начальник Латышской дивизии доложил Ленину, что войска уже сосредоточены у храма Христа Спасителя и на Страстной площади. Наступление начнется утром. «Не позднее двенадцати часов 7 июля мы будем в Москве победителями»,— заверил Вацетис.

После этого Ленин вместе с Вацетисом вышел в помещение секретариата, чтобы отдать очередные распоряжения. Там они увидели Подвойского, который стоял посреди комнаты и, держа полбуханки хлеба, отламывал от нее небольшие кусочки.

— Свежий хлеб, не хотите ли? — спросил он.

Ленин и Вацетис охотно присоединились к нему. Все трое стояли друг против друга и с большим аппетитом ели. Выяснилось, что никто из них не ужинал [3].

Стало светать. Председатель Совнаркома заглянул в одну из соседних комнат, где находились наркомы, некоторые из них дремали. Кое-кто ел: дочь Бонч-Бруевича принесла вареной картошки. Ленин пригласил всех выйти из помещения на улицу.

Утром 7 июля в Москве стоял густой туман. За 15 шагов ничего не было видно. Скоро должно было начаться наступление. Председатель и члены Совнаркома поднялись на восточную стену Кремля у Спасской башни. Ленин долго и внимательно смотрел в ту сторону, где находились главные силы мятежников. В столице было совершенно тихо...

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 114.
[2] ЦГАОР, ф 130, оп. 2, ед. хр. 786, л. 3.
[3] См. «Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии», стр. 197.

В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

ИЗОЛЯЦИЯ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

6 июля заседание V съезда Советов должно было начаться в 4 часа дня. Многие делегаты прибыли вовремя. Левые эсеры заняли правую часть партера и лож.

Проходит час, два, но заседание никто не открывает. В президиуме пусто. Делегаты волнуются. Идут разговоры, что убили Мирбаха, но толком никто ничего не знает.

В седьмом часу прибыла Мария Спиридонова. Ее привезли на автомобиле из отряда Попова вооруженные бомбами матросы. Из лидеров левых эсеров в зале находились бывший нарком земледелия Колегаев, Мстиславский и некоторые другие. Большинство членов ЦК партии эсеров остались в Трехсвятительском переулке.

Около 8 часов вход и выход из театра были запрещены. Приведены в боевую готовность 187 красноармейцев-латышей, несших охрану театра. Один пулемет они подняли наверх и установили между конями на фронтоне здания. Он держал под огнем всю Театральную площадь. Позднее прибыли броневики.

Между тем левые эсеры в фойе второго яруса устроили совещание фракции, на котором одобрили действия ЦК своей партии. Вот что писал об этом десять дней спустя делегат от Казанского губернского Совета левый эсер Дмитрий Шляпников:

«...Спиридонова в краткой, но яркой речи рисует общее положение, создавшееся с Брестом, рисует роль гр. Мирбаха в Советском правительстве и заявляет, что «по постановлению ЦК партии левых социалистов-революционеров два террориста сегодня в три часа дня убили представителя германского империализма в Советской России, германского посла гр. Мирбаха»...

Тов. Спиридонова предлагает принять декларацию по поводу убийства гр. Мирбаха, которую необходимо будет огласить на съезде. В декларации указывалось, что убийство совершено по постановлению ЦК партии левых социалистов-революционеров.

Декларация без прений принимается. Только рук пять воздержалось при голосовании ее» [1].

Одобрив деятельность своего ЦК, левые эсеры вернулись в зал заседания.

В это время член коллегии ВЧК Петерс объявил, что в помещении за сценой состоится совещание фракции большевиков. Делегаты-коммунисты прошли на сцену, спустились по черному ходу вниз, а затем направились на Большую Дмитровку (ныне ул. Пушкина). Там они узнали подробности убийства Мирбаха, об аресте Дзержинского, о мятеже левых эсеров. Делегаты съезда были разбиты на группы и направлены в районные Советы, штабы Красной Армии для борьбы с мятежниками.

В Большом театре кроме левых эсеров остались представители максималистов, анархистов, меньшевиков-интернационалистов и других мелкобуржуазных партий, а также беспартийные.

Председательское место за столом президиума заняла Спиридонова.

Чтобы поднять настроение, лидеры эсеров предложили петь революционные песни. И вот по Большому театру понеслись священные слова, призывавшие на великую борьбу угнетенных и обездоленных против царя, помещиков и капиталистов. Но теперь их пели люди, поднявшие руку на ту власть, которая дала рабочим и крестьянам свободу, сокрушив их угнетателей.

Духу хватило только на две-три песни. Затем устроили импровизированный митинг. Один оратор сменял другого. Когда говорили об истории Интернационала, о Бакунине, все шло более или менее гладко. Но как только ораторы коснулись современного момента, на верхних ярусах, где находились делегаты других партий, беспартийные и гости, поднялся невообразимый шум.

— Долой! — неслось сверху.

— Провокаторы!

— Истеричные!

К двенадцати часам ночи все устали и стали укладываться спать. Кто на диванах, кто в креслах, некоторые прямо на полу на коврах. В литерной ложе на

---

[1] «За землю и волю», 16 июля 1918 г., г. Казань.

сдвинутых креслах разместилась Мария Спиридонова.

Долго спать не пришлось. Воспользовавшись тем, что еще вечером левые эсеры требовали ужина, их пригласили в верхнее фойе. Это было сделано преднамеренно, так как необходимо было изолировать левых эсеров от других делегатов съезда.

После этого обратно никого не пустили. Так левые эсеры оказались в залах фойе второго яруса.

Они снова устроили митинг. Опять выступала Спиридонова. Говорила с большим надрывом. Слова ее не имели прежнего воздействия. Когда она, окончив речь, спросила, кто просит слова, все промолчали.

После выступления Спиридоновой левые эсеры занялись организационными вопросами. Они переизбрали бюро фракции, поскольку часть старого состава находилась в отряде Попова. Всех имевших оружие, а их оказалось более ста человек, разбили на десятки для несения дежурства.

Покончив с делами, левые эсеры вновь стали укладываться спать. На новом месте не было ни диванов, ни кресел. Улеглись на полу, и только Спиридонову устроили на прилавке, за которым раньше продавали лимонад.

Член ЦК Биценко затянула было старую эсеровскую песню:

Террор, террор,
Террор вам, тираны.

Но никто не поддержал ее. Все подавленно молчали...

ФРАКЦИЯ РАСПАЛАСЬ

Утром 7 июля, воспользовавшись прибытием в Большой театр двух членов правительства, левые эсеры предъявили им свои требования.

Первое требование заключалось в том, чтобы фракции разрешили активно участвовать во всех событиях, происходящих в Москве. Они предложили также немедленно прекратить с обеих сторон боевые действия.

— Теперь уже поздно,— заявили им.— Вооруженная борьба началась, и никаких переговоров с вос-

ставшими против Советской власти быть не может. Мятежники должны сдаться без всяких условий.

В это время раздалось несколько пушечных выстрелов. Среди левых эсеров началась суматоха.

Когда эсеры успокоились, начала говорить Спиридонова. Она обвинила большевиков в насилии. Ее поддержал Колегаев, заявив, что правящая партия нарушила конституционные права. Один из членов Совнаркома перебил его:

«Какие вообще могут быть речи о конституционных правах, когда идет вооруженная борьба за власть! Здесь один закон действует — закон войны. Задержанные вовсе не являются сейчас фракцией V съезда Советов или ВЦИКа, а членами партии, поднявшей мятеж против Советской власти, а стало быть и закон, по которому мы сейчас действуем, есть закон усмирения мятежа» [1].

Так закончилась беседа.

Рядовые члены партии левых эсеров все отчетливее понимали, в какую бездну завели их руководители. Росло недовольство, все чаще слышались неодобрительные реплики в адрес лидеров.

Чтобы разрядить обстановку, отвлечь внимание от острых политических вопросов, руководители левых эсеров устроили концерт самодеятельности. Кто-то пел, кто-то декламировал. Один толстяк даже прошелся барыней по кругу, вызвав у многих смех, но, увлекшись, споткнулся и вывихнул ногу. «Концерт» не удался.

Наступала неотвратимая развязка. Мстиславский в своем дневнике писал:

«Часов около четырех (около 16 часов 7 июля.— *Л. С.*), выгибаясь из крайнего, ближнего к углу окна, наши «дозорные» увидели толпу безоружных, человек 80, пересекающую под сильным конвоем латышей Театральную площадь по направлению к Кремлю. А вскоре вслед за тем по Петровке, мимо наших окон, в том же направлении, распустя поводья, отвалясь назад на седлах, отдыхающим шагом прошел кавалерийский взвод. Мы поняли, что очередной акт сыгран: «поповщина» ликвидирована» [2].

[1] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 5, оп. 3, п. 1, д. 15, л. 20.

[2] Там же, л. 21.

С каждым часом рядовые члены партии левых эсеров все дальше отходили от лидеров. Фракция распадалась. «В первые моменты, вчера ночью, даже утром 7 июля, призыв «товарищи» с вершины нашего «постамента» сразу сбивал тесной кучей к подножью трибуны,— горестно признавал Мстиславский.— К вечеру второго дня «заключенные» все более и более вяло откликались на призыв. Зато все с большей силой раздавались в «хвостах» (в очередях за едой.— *Л. С.*) и по углам зала «сепаратные разговоры». Становилось ясно, что долго затягивать кризис на данной его стадии нельзя: начнется дезертирство».

Лидеры левых эсеров были бессильны что-либо сделать.

В ночь на 8 июля в Большом театре началась регистрация. От левых эсеров потребовали сдать оружие. Никого не обыскивали. Исключение составила Спиридонова. Ее четырежды спросили об оружии. Она молчала. Пришлось обыскать, у нее отобрали револьвер.

Часть левых эсеров, в том числе и активистов, решительно выразивших свое несогласие с линией ЦК своей партии, освободили сразу после регистрации.

Остальных попросили заполнить анкету, названную «Вопросы особой следственной комиссии». Она была составлена на основании подписанного 8 июля В. И. Лениным и Я. М. Свердловым постановления ЦК РКП(б) о проведении мероприятий по выяснению отношения левых эсеров — делегатов V съезда Советов к мятежу и убийству Мирбаха. В постановлении ЦК говорилось: «Произвести в течение ночи с 8 на 9 выяснение отношения делегатов V съезда л. эсеров к авантюре. Освободить тех, кто заведомо не причастен и не сочувствует авантюре. Все материалы передать в следственную комиссию» [1]. В архивных делах сохранились 173 такие анкеты. Из них видно, что около 40 процентов делегатов осудили убийство Мирбаха и мятеж против Советской власти. Примерно половина дала уклончивый, неопределенный ответ, остальные (около 10 процентов) отказались ответить. Подавляющее большинство делегатов было против войны с Германией, мотивируя это тем, что народ не хочет войны, что воевать сейчас нельзя.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1 а, ед. хр. 58, л. 1.

Поскольку в Большом театре 9 июля намечалось продолжение работы V съезда Советов, левых эсеров перевели в здание Малого театра. В тот же день они были освобождены.

Только 13 человек вместе со Спиридоновой 8 июля посадили на гауптвахту в Кремле. На следующий день десятерых из них освободили. Со Спиридоновой остались Измайлович и Мстиславский, которые по решению V съезда Советов должны были предстать перед судом.

ЛОГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ АВАНТЮРЫ

РАБОЧИЕ МОСКВЫ ГОВОРЯТ СВОЕ СЛОВО

Московский Совет, получив указания председателя Совнаркома и председателя ВЦИК о борьбе с мятежниками, немедленно оповестил об этом районы. В одном из распоряжений говорилось:

«Для подавления развивающегося восстания левых эсеров Президиум Московского Совета рабочих депутатов предлагает районным Советам немедленно созвать всех вооруженных членов Коммунистической партии и других честных сторонников Советской власти и организовать из них вооруженные отряды.

На всей территории районов расставить патрули и обезоружить всех подозрительных и сомнительных лиц.

На территории района произвести аресты комитетов левых эсеров и отдельных руководителей этой партии, а также в зависимости от обстоятельств арестовать руководящую группу сочувствующих восстанию левоэсеровской партии.

Принять все меры к организации утром массовых митингов для мобилизации рабочих и разъяснения населению происходящих событий.

Об исполнении всего этого немедленно довести до сведения Президиума Московского Совдепа» [1]. В телефонограмме Московского военного округа президиумам районных Советов предлагалось назначить во все

[1] ЦГАСА, ф. 25883, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 19—20.

полки и отряды Красной Армии комиссаров из большевиков.

Затем для охраны здания Моссовета из Замоскворецкого района был вызван отряд рабочих в 50 человек. Для поддержания связи со штабом Московского военного округа, военным комиссариатом Моссовет выделил членов президиума, а также распорядился закрыть типографии, где печаталась литература левоэсеровской и других партий.

Прибывшие на места большевики-делегаты V съезда Советов доставили полную информацию о событиях 6 июля и передали рабочим последние указания Ленина.

Районные комитеты РКП(б), Советы и штабы Красной Армии проделали огромную работу по организации борьбы с мятежниками. Опорой их были партийные и беспартийные рабочие.

Ранним утром 7 июля в Моссовет полетели телефонограммы из районов.

Из Сокольнического (5 часов утра):

«Члены исполнительного комитета и президиума на ногах. Кругом усиленные патрули. Члены РКП вооружены численностью до 50 человек. Всего в районе 300 человек. Остальные вооружаются... Даны сигнальные гудки на фабриках для сбора митингов. В агитаторах не нуждаются. 7-м Советским полком командует свой человек, комиссар. По улицам усиленные патрули. Расставлены посты в садах и палисадниках. Два орудия охраняют Совет. Настроение хорошее. Ждут из центра распоряжений и требования сил. Случаев ареста эсеров не было».

Из Пресненского:

«Все тихо. Эсеры разоружены. Силы стягиваются».

Из Рогожского (7 часов 30 минут):

«Образован революционный комитет. В районе и при Крутицких казармах связь. Патрули расставлены. Краснохолмский мост охраняется, сил достаточно; у пороховых погребов надежный караул. Броневиков нет. Комитет левых эсеров разоружен: взято 1 пулемет, 4 ящика ружей, бомбы, ручные гранаты. Взята корреспонденция».

Из Замоскворецкого:

Первое сообщение: «Все тихо. Стягиваются комму-

нисты, красноармейцы, рабочие, часть которых посылается в центр. Приняты меры к оповещению и объединению с Даниловским подрайоном».

Второе сообщение: «Во всем районе настроение очень бодрое, рабочие устраивают митинги. Отношение к Советской власти самое благоприятное. В Замоскворецком районе разоружены все левые эсеры, отобрано 27 винтовок. Комитет левых эсеров задержан, предпринимаются шаги к задержанию правых эсеров и меньшевиков. Повсюду расставлены патрули. Порядок хороший» [1].

По призыву партийных организаций коммунистов и Советов в столице было создано около сотни отрядов общей численностью до 10 тысяч человек [2].

Белогвардейцы столицы пытались в своих целях использовать мятеж левых эсеров. Правда, таких попыток было мало, и рабочие вместе с красноармейцами быстро пресекли их. Видимо, буржуазия не успела сориентироваться в новой обстановке.

Рабочие были полными хозяевами Москвы, исключая ту часть города, где размещались эсеры из отряда Попова. Пролетариат столицы оказал частям Красной Армии неоценимую услугу в разгроме мятежников. Он помог изолировать поповцев, лишить их возможности получать подкрепления. Своей готовностью защищать Советскую власть пролетариат столицы нанес сокрушительный моральный удар по левым эсерам, показав всю бесперспективность их борьбы с большевиками.

Всюду раздавался гневный голос пролетариата, требовавшего строгого осуждения и наказания мятежников. «Клеймим позором левоэсеровскую авантюру»,— с возмущением заявляли рабочие.

Против мятежников в поддержку Советского правительства решительно выступили профсоюзы.

«Рабочий класс и его союзы знают, что великая освободительная война против империализма ведется не путем бунтарских вспышек и разрозненных выступлений, а путем организованной, выдержанной, последовательной и беспощадной классовой борьбы,— говори-

---

[1] «Красный архив», 1940, № 4 (101), стр. 109, 110, 112.
[2] См. «Беднота», 10 июля 1918 г.

лось в воззвании ВЦСПС и Московского Совета профессиональных союзов.—

Рабочий класс не может позволить играть судьбами пролетарской революции кучке безумцев или провокаторов. И во главе со своими профессиональными союзами, преданными делу революции, во главе со своими союзами, неусыпно стоящими на страже его интересов, пролетариат найдет в себе силы перенести эту подлую измену вчерашних союзников — левых эсеров,— сумеет положить конец бунтам, мятежам и провокации»[1].

Все новые и новые отряды бойцов Красной Армии заявляли о своем желании бороться с врагами рабоче-крестьянского государства.

«Оставаясь верными Советской власти и ее центральным организациям,— писали курсанты 1-й и 2-й московских пулеметных школ,— мы, пулеметчики, заявляем: все наши силы и жизнь мы отдаем на благо социалистического отечества и по первому зову выйдем и сметем тех, кто вольно или невольно мешает устроиться трудовому народу»[2].

Вечером 6 июля от поповцев было освобождено здание ВЧК. При этом пришлось прибегнуть к хитрости, подсказанной Свердловым. Член коллегии ВЧК Петерс позвонил из Большого театра в секретариат ВЧК оставшемуся еще там коммунисту Левитану и попросил его передать начальнику караула приказ, поступивший будто бы от Попова, о том, что необходимо послать отряд в Сокольники, где у «контрреволюционеров» якобы обнаружен склад оружия. Большая часть караула погрузилась в машину и уехала. Воспользовавшись этим, большевики-чекисты с помощью самокатчиков из отряда Андрея Полякова разоружили и арестовали находившихся в здании ВЧК поповцев и поставили своих часовых.

Явившийся сюда поздно вечером матрос Жарков с группой поповцев, для того чтобы арестовать оставшихся большевиков-чекистов, был схвачен и обезоружен. В полночь в здание ВЧК вернулся Петерс.

В ночь на 7 июля на Поварской улице были обезоружены «Отряд особого назначения» и члены главного

[1] «Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.
[2] ЦГАСА, ф. 25883, оп. 1, ед. хр. 4, л. 37.

штаба Всероссийской боевой организации левых эсеров. На грузовике их доставили в Московский областной военный комиссариат на Пречистенке (ул. Кропоткина).

Утром 7 июля был освобожден телеграф. Некоторые историки и участники событий тех дней утверждают, что телеграф находился в руках мятежников всего 2—3 часа, что будто бы его освободил отряд, возглавляемый Фрунзе. Документы говорят о другом.

На одной из советских депеш, задержанной на телеграфе левым эсером Лихобадиным, стоит его подпись и пометка: 3 часа 56 минут утра 7 июля [1].

В архиве Института истории партии при ЦК Компартии Латвии обнаружен документ, в котором работник штаба Восточного фронта сообщал, что, когда он в 4 часа утра 7 июля пытался по телеграфу связаться из Казани с Москвой, ему ответили: «Власть перешла к левым эсерам, отойдите прочь от аппарата» [2].

Затем из Кремля в 7 часов 20 минут утра передали на центральную телеграфную станцию пробную депешу, оттуда по телефону ответили, что «она (станция) не может отвечать вследствие опасности». Видимо, в то время телеграф еще не был занят советскими войсками. Только в 7 часов 50 минут кремлевская станция получила связь с другими городами [3].

Об освобождении телеграфа так вспоминает командир 2-го латышского полка Риекст:

«На Страстную площадь мы прибыли около 2—3 часов утра. Командный пункт полка разместился у памятника Пушкину. Затем полк начал двигаться по Садовому бульвару в сторону здания почты и телеграфа. Разведчики донесли, что мятежники захватили почту и телеграф и укрепились там. Я отдал приказ одной роте отправиться к зданию почты по окружным переулкам, чтобы отрезать противнику пути отхода. Вместе с комиссаром Бриедисом и во главе остальных рот в предрассветной мгле мы бегом двинулись к зданию главной почты. Противник при нашем приближении открыл огонь из винтовок и пулеметов. Но

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 2568, л. 12.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 45, оп. 2, ед. хр. 318, л. 8.

[3] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 902, лл. 3—3 об.

стрелки смело продолжали двигаться вперед, используя для прикрытия подъезды и углы домов.

Гранатометчики подобрались к пулеметному гнезду мятежников, расположенному у входа в здание, и забросали его гранатами. Пулемет противника умолк, взрыв разбил также забаррикадированную дверь здания. Мятежники стали выбегать во двор и пытались на автомашинах ближайшими переулками уехать, но дорогу им преградили стрелки, которые пошли в обход. Мятежникам пришлось сдаться.

В здании почты и телеграфа 2-й полк захватил довольно много оружия и боеприпасов. У аппарата валялся телеграфный бланк с телеграммой эсеров, в которой они призывали население не исполнять приказов Ленина и Свердлова. Теперь авторы этой телеграммы стояли во дворе под надежной охраной стрелков и боязливо оглядывались по сторонам. Песенка этих авантюристов была спета» [1].

В освобождении телеграфа участвовали стрелки 9-го латышского полка, а также интернационалисты из отряда Бела Куна, в котором насчитывалось около 70 человек.

Стрелок четвертой роты 9-го латышского полка Спруде впоследствии писал, что красноармейцы его подразделения утром 7 июля на автомобилях были направлены к почтамту и участвовали в боях за него [2].

«Правда» 11 и 12 июля сообщала о гибели в боях с мятежниками интернационалиста-венгра Антона Хорака из отряда Бела Куна. Убит он был при взятии советскими войсками почтамта и похоронен на Красной площади. За подписью «Красноармеец» было напечатано стихотворение, посвященное Антону Хораку. Оно кончалось такими словами:

Сегодня нет тебя. Ты умер, друг-мадьяр.
Ты до конца свершил свой подвиг
благородный.
Но верь, но верь, придет он, мировой
пожар,
Рабочий праздник, наш Союз международный!

[1] *Ф. А. Риекст*. Из боевого пути 2-го латышского стрелкового полка. В кн.: «Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 годах». Рига, 1962, стр. 148.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 6, л. 58.

ПОПОВЦЫ БЕГУТ

К утру 7 июля к мятежникам в Трехсвятительском переулке присоединились солдаты из Покровских казарм (полки имени 1-го Марта, 1-й Караульный, Реквизиционный отряд, 16-й летучий отряд особого назначения), часть левоэсеровских дружинников. Всего, включая отряд Попова, собралось около 1300 человек, значительно меньше того, на что рассчитывали мятежники. Но и из этого числа в бою могла участвовать лишь половина — многие солдаты никому не подчинялись и всю ночь с 6 по 7 июля болтались между Трехсвятительским переулком и Покровскими казармами. Состояние большинства мятежников было подавленным. Левые эсеры сознавали, что «значительная часть отряда, чувствуя себя изолированной и в силу совершенной пассивности обреченной, нервничала и стороной послала парламентеров в штаб Латышской дивизии с заявлением, что всему этому предприятию левоэсеровскому не сочувствует. Ненадежность отряда, видимо, сознавал и сам Попов: по крайней мере с первых же выстрелов он заговорил об отступлении» [1].

Руководители левых эсеров оказались слабыми не только в политике, но и в военном деле. Исходя из решения своего ЦК от 24 июня, в котором говорилось, что в случае наступления против восставших большевистских войск следует «прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций», поповцы придерживались выжидательной тактики.

Член ЦК партии левых эсеров Трутовский впоследствии писал, что к началу мятежа не было предусмотрено ни одного путного варианта военных действий. Отряд Попова так и не сдвинулся с места до самого разгрома. Мятежники ограничились тем, что выслали в наиболее важных направлениях разведку, выставили посты да у Покровских ворот вырыли нечто вроде окопов. Правда, в 4 часа утра 7 июля в центр города (к Большому театру) был послан на разведку один из двух имевшихся у поповцев бронеавтомобилей, но его без труда захватили красноармейцы.

«Оборона занятых позиций» ограничилась фактически обороной нескольких домов в Большом Трех-

[1] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 5, оп. 3, п. 1, д. 12, л. 18.

святительском переулке, два из которых занимали мятежники. Здесь они вырыли небольшие окопы, поставили в саду особняка орудия, а на крышах и балконах — пулеметы[1].

Между тем большевики заканчивали подготовку к наступлению.

Корреспондент «Известий ВЦИК» так описывает Москву в те часы:

«В тяжелый мрак погружен город. Небо, покрытое темными свинцовыми тучами, еще более усиливает зловещую тишину. Одиночные выстрелы и окрики патрульных то и дело взбудораживают внешне спокойный спящий город.

Во всем Тверском районе вплоть до Театральной площади пустынно. На улицах почти не встречаются даже запоздалые обыватели.

На темном фоне площади вырисовывается освещенный несколькими фонарями Государственный театр, временно превратившийся в узилище для мятежных левых эсеров.

Здесь много пеших и конных патрулей, бдительно охраняющих все подступы к театру.

Возле 2-го дома Советов (бывший «Метрополь») встречаются отдельные красноармейцы, останавливающие всех проходящих для проверки документов.

При приближении к Лубянской площади снова все словно вымерло. Здесь уже нет патрулей, и только мирно спящие у ворот сторожа являются единственными живыми существами на огромной площади.

А вот и Лубянка № 11, где помещается Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Сторожевые посты передового

[1] По Кремлю левые эсеры стреляли. Утром 7 июля из Кремля сообщали в Моссовет по телефону: «Пушечные снаряды попадают по Кремлю, разрываются на площади. Два снаряда попали в купол Архангельского собора, разворотили крышу и произвели разрушение внутри. Попадания во время этого разговора продолжаются» (ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 2568, л. 3). Помощник коменданта Кремля Бауде позже писал, что рано утром 7 июля поповцы выпустили три снаряда. Пулеметчики Андерсон и Клуцис осмотрели места падения и доложили, что один снаряд попал в угол колокольни Ивана Великого, второй — в купол дворцовой церкви, третий — в земляной вал около Николаевского дворца (Партархив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 5, л. 27).

отряда, охраняющего Комиссию, выдвинуты до Кузнецкого моста.

У входа в ВЧК дежурит большой отряд вооруженных матросов и латышей. В самом помещении ВЧК во всех его комнатах расположилась масса вооруженных ее защитников, по лицам которых можно судить, что у них напряженное и в то же время бодрое настроение...

Городской районный Совет, помещающийся рядом с ВЧК, также мобилизовал свои силы. У входа в Совет поставлены пулеметы. Тут же вооруженные рабочие.

К 4-м часам утра на Страстной площади была размещена артиллерия. По сторонам квадрата площади расставлены пушки, жерлами направленные во все четыре стороны.

Тут же расположились стальные броневики и отряд с зарядными ящиками.

Среди артиллеристов царит воодушевление. Их смелые, отважные и серьезные лица говорят о полном сознании ими ответственности предстоящей борьбы за интересы трудящихся масс.

По занятии артиллеристами Страстной площади закрывается проход и проезд через нее.

С рассветом послышались гулкие разрывы стрелявшей где-то артиллерии...» [1].

К началу наступления (к 4-м часам утра 7 июля) численность советских войск, выделенных для непосредственного участия в боях, составляла 720 штыков, 72 конных разведчика, 40 пулеметчиков. Они имели 12 трехдюймовых орудий, 4 броневика, пулеметы [2].

Главным направлением стало наступление от храма Христа Спасителя. Оно решало участь поповского отряда. Здесь мятежники оказали наибольшее сопротивление.

...В тумане приходилось двигаться осторожно. Отличить своего от врага трудно: противники были в форме старой армии. Исключение составляли матросы, но в передовых цепях их было мало.

Стрелки 1-го латышского и Образцового полков начали продвигаться по набережной Москвы-реки

---

[1] «Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

[2] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 181.

вдоль Кремлевской стены, затем вступили в Китай-город. Батарея следовала по другому берегу реки, по Софийской набережной, чтобы от Устинского моста обстрелять штаб мятежников. Но цель не была видна, и артиллеристы соединились с пехотой.

Первый пост мятежников был обнаружен на колокольне в начале Варварки (ныне улица Разина). Сбив посты на Варварской площади (пл. Ногина), красноармейцы двинулись вверх по Ивановскому переулку. Здесь они встретили довольно упорное сопротивление. Завязалась ружейная и пулеметная перестрелка. С обеих сторон появились убитые и раненые. Наступление советских войск приостановилось.

Обстановка осложнялась тем, что 3-й латышский полк опоздал выступить из района Таганки и не оказал помощи другим советским частям. Правда, в то время в полку из шести рот налицо было только две, кроме того, часть красноармейцев вела разведку. Позже разведчики присоединились к 1-му латышскому полку и действовали с ним вместе [1].

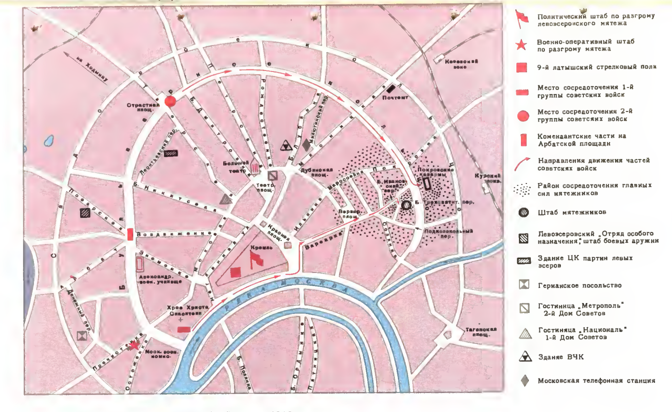
Другая группа войск — красноармейцы 2-го латышского полка — наступала от Страстной площади. Освободив почтамт, они направились к Покровским воротам, сбили заслон мятежников и в 10 часов почти без боя заняли часть Покровских казарм. Здесь они остановились.

Между тем дальнейшее продвижение полка в тыл мятежников могло не только оказать помощь войскам, которые наступали с Варварки, но и привести к окружению врага. К сожалению, этого не произошло.

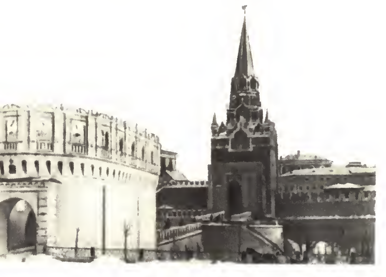
Когда туман окончательно рассеялся, в небе появился советский аэроплан-разведчик. Он тихо проплыл над центром города, затем направился в район расположения мятежников, облетел Покровские казармы, Курский вокзал.

Сверху было хорошо видно, что делалось в городе. Центр столицы был опоясан несколькими кольцами солдат. По главным улицам и Театральной площади разъезжали бронеавтомобили и машины с пулеметами. На площадях стояли пушки. В районе Трехсвяти-

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 6, л. 114 (воспоминания командира 3-го латышского стрелкового полка К. А. Стуцка).



Разгром левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 г.



Троицкие ворота Кремля. В 1918 году через них осуществлялась главная связь между Кремлем и остальной частью города.

Денежный переулок, д. 5.
В этом помещении находилось немецкое посольство.



201.

Российская
Федеративная Советская
Республика.

Всероссийская
Чрезвычайная Комиссія
по борьбе
с контр-революціей и спекуляціей
при Совете
Народных Комиссаров

6 Іюля 1918 г.

№ 1428

Москва.

Отдѣлъ Секретный.

Удостовѣреніе.

Всероссійская Чрезвычайная Комиссія уполномочиваетъ ея члена Якова Блюмкина и представителя Революціоннаго Трибунала Николая Андреева войти въ переговоры съ Господиномъ Германскимъ Посломъ въ Россійской Республикѣ по дѣлу, имѣющему непосредственное отношеніе къ Господину Послу.

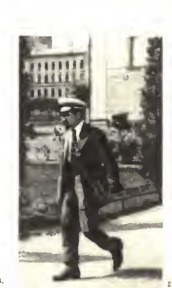
Предсѣдатель Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи:

Секретарь:

По этому подложному документу террористы из партии левых эсеров проникли в германское посольство.

4 июля 1918 года в Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов.

Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин и Мария Ильинична Ульянова направляются на заседание V Всероссийского съезда Советов.



Яков Михайлович Свердлов. После заседания в Большом театре он спешит в Кремль.



Большой Трехсвятительский переулок, д 1. Здесь в бывшем особияке фабриканта Морозова обосновался штаб мятежннков.

Группа левых эсеров направляется в Большой театр на заседание V Всероссийского съезда Советов. В середнне М. А. Спиридонова.





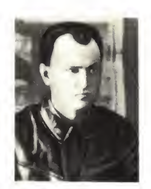
Председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский.



Мартин Янович Лацис — заместитель Ф. Э. Дзержинского.



Комиссар Латышской дивизии Карл Андреевич Петерсон.



Карл Христианович Данишевский.



Начальник Латышской дивизии Иоаким Иоакимович Вацетис, командующий советскими войсками по подавлению левоэсеровского мятежа.

Театральиая площадь, лето 1918 г.



Николай Ильич Подвойский был одиим из руководителей оперативиого штаба по разгрому мятежа.



Народный комиссар почт и телеграфов Вадим Николаевич Подбельский.

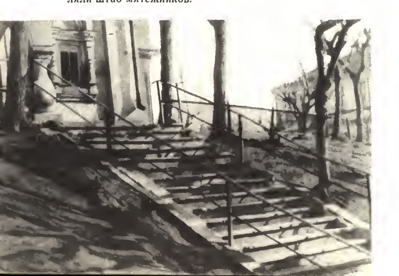


Якоб Христофорович Петерс.



На этой колокольне на улице Варварке (иыне улица Разииа), иедалеко от Кремля, утром 7 июля был снят первый пост мятежииков.

С площадки у Владимирской церкви (в Иваиовском переулке) артиллеристы прямой иаводкой 7 июля обстреляли штаб мятежииков.



тельского переулка и Покровских ворот передвигались небольшие группы солдат. Сведения воздушной разведки были немедленно сообщены в штаб Московского военного округа.

На главном направлении наступления пулеметный и ружейный огонь мятежников не давал советским войскам возможности продвигаться вперед. В перерывах между стрельбой Попов несколько раз присылал парламентеров, которые предлагали красноармейцам присоединиться к восставшим. Затея не имела успеха.

Так продолжалось несколько часов. В создавшемся положении наилучшим выходом было применение артиллерии. Однако из штаба Московского военного округа не давали разрешения на это. Подвойский, Муралов, Склянский предложили сначала предъявить мятежникам ультиматум о капитуляции, а затем уже в случае отказа открыть огонь.

А пока артиллеристы выбрали позицию, с которой можно стрелять по штабу мятежников прямой наводкой. Ею оказалась небольшая площадка возле церкви в Ивановском переулке. Правда, это место было хорошо видно, и мятежники могли простреливать его пулеметным и ружейным огнем. Но здесь большую помощь артиллеристам оказали красноармейцы отряда при Московском революционном трибунале. Трибунал размещался в здании, расположенном всего в 200 метрах от особняка Морозова. С его крыши был хорошо виден штаб мятежников. Красноармейцы отряда вместе с латышскими стрелками поставили на крыше пулеметы и стали обстреливать мятежников.

«Сколько они ни пытались приблизиться к орудиям и завести броневики, мы их рассеивали, пробовали они втащить пулеметы на крыши, мы им не дали,— сообщал начальник отряда трибунала Т. Н. Стрелков.— Тем временем товарищи латыши под прикрытием наших пулеметов втащили на руках в ограду церкви орудие и поставили прямо в упор против особняка поповцев. Когда приехал товарищ Берзин, я предложил влезть на крышу и посмотреть нашу позицию. Он посмотрел и одобрил наш план и сейчас же распорядился добавить нам лент, потому что у нас было десять штук» [1].

[1] ЦГАСА, ф 25883, оп. 1, ед. хр. 22, л. 60.

Командир легкого артдивизиона Э. П. Берзин[1] отдал приказ открыть стрельбу по особняку Морозова. Орудие навел командир батареи Саккенфельд.

«Был дан первый выстрел,— писал впоследствии Берзин.— В первые же несколько минут нами было выпущено по обоим домам 16 снарядов с замедлителями, которые великолепно пробивали стены и разрывались внутри. После первых выстрелов был сделан перерыв на 10—15 минут, а затем вторично открыт огонь. Всего было выпущено по мятежникам 55—60 снарядов. Прекратились ответные винтовочные выстрелы со стороны левых эсеров»[2].

Началось бегство мятежников. Первым исчез Попов с группой матросов. Затем, переодевшись в гражданские костюмы, бежали члены ЦК партии левых эсеров. Последними из руководителей левых эсеров оставили Трехсвятительский переулок Магеровский и Саблин.

В полдень И. И. Вацетис доложил по телефону В. И. Ленину, что мятежники разбиты и бегут к Курскому вокзалу.

В час дня во все районные Советы столицы полетела телефонограмма:

«Предписывается всем районным Совдепам и рабочим организациям немедленно выслать как можно больше вооруженных отрядов, хотя бы частично рабочих, чтобы ловить разбегающихся мятежников.

Обратить особое внимание на район Курского вокзала, а затем на все прочие вокзалы. Настоятельная просьба организовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих.

Арестованных не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения непричастности к мятежу.

Ленин»[3].

Вскоре из Замоскворецкого района докладывали, что отряд в 110 пеших и 15 конных красноармейцев «был послан согласно телефонограммы тов. Ленина».

---

[1] Эдуард Петрович Берзин (1894—1938) — член большевистской партии с 1918 г. После подавления левоэсеровского мятежа участвовал в разоблачении контрреволюционного заговора Локкарта. Был на фронтах гражданской войны, работал в ОГПУ, в последние годы — директор треста «Дальстрой».

[2] Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 25, д. 11, л. 6.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 114—115.

Мятежникам не удалось получить ни паровоза, ни железнодорожных вагонов, и они двинулись пешком по Владимирскому шоссе (шоссе Энтузиастов). Скоро они вышли за пределы города. Разведка доносила, что поповцы (по одним данным, численностью в 500 человек, по другим — до 1000 человек) имеют пушки, пулеметы, бронеавтомобиль, до двух десятков автомобилей. В легковых машинах ехали Попов и Саблин.

И вновь полетела телефонограмма Ленина — теперь уже в уездные и волостные Советы Московской губернии с требованием ко всем рабочим и крестьянским отрядам перекрыть дорогу мятежникам.

Особое внимание обращалось на задержание бронеавтомобиля [1].

Рабочие Подмосковья горячо откликнулись на призыв председателя Совнаркома. В Орехово-Зуеве сразу была создана специальная тройка из представителей местного комитета РКП(б) и совета по руководству борьбой с мятежниками. Рабочие-дружинники заняли все дороги. Были высланы дозоры, расставлены секреты.

«Вместе с сообщением о прорыве из Москвы,— писали позже коммунисты орехово-зуевцы,— по поручению т. Ленина выехал особоуполномоченный для того, чтобы проверить на месте, какие меры приняты ореховской организацией на случай появления эсеров. Ознакомившись со всем, присланный товарищ по прямому проводу информировал о мероприятиях орехово-зуевского комитета т. Ленина, который поручил передать орехово-зуевской организации благодарность за предусмотрительность» [2].

Мятежников преследовали: продовольственный отряд, латышский инженерный батальон, рабочие отряды из Москвы. В 30-ти верстах от города в районе имения Севрюгино произошел бой. В телеграмме, посланной Ленину уполномоченным Совнаркома В. А. Антоновым-Овсеенко, который руководил объединенными отрядами, говорилось:

«В 21 час отряд левых эсеров нагнали по Владимир-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 115. Телефонограмма из Кремля вначале была передана в Моссовет.

[2] «На баррикадах революции. Из жизни орехово-зуевских рабочих 1865—1927 гг.». Орехово-Зуево, 1927, стр. 101.

скому шоссе. После краткого боя тут же арестовано 60 человек, захвачено 2 орудия, 4 пулемета, масса патронов и много снарядов. Лес и имение Севрюгино оцеплены, вновь захватываю пленных. Попова и Саблина пока не обнаружили, но их думают захватить в Богородске, куда отправлен блиндированный поезд» [1].

Преследование мятежников продолжалось еще несколько дней. Рабочим помогали бедняки и середняки деревни. «Крестьяне окружных деревень,— сообщали в Москву из Егорьевского Совета,— оказывали нашему отряду в поимке бандитов энергичное содействие» [2]. Факт этот знаменателен. 11 июля Московский окружной военный комиссариат сообщал, что арестовано 444 человека, замешанных в мятеже.

При отступлении из Трехсвятительского переулка поповцы всех пленников оставили на месте. Их освободили советские войска. Среди них был Дзержинский. Приехав в Кремль, Дзержинский подробно рассказал Ленину и членам правительства о своем аресте.

Затем он сделал официальное заявление, в котором просил освободить его от руководства Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Мотивировал он это тем, что в отряде ВЧК произошло не только неповиновение ему, но черная измена, что террористы использовали его имя, что он является одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посла Мирбаха.

После этого Совнарком вынес постановление о роспуске коллегии ВЧК и поручил Петерсу в недельный срок сформировать новую Комиссию и представить ее на утверждение правительства [3].

После разгрома мятежа коммунисты ВЧК постановили на собрании оздоровить весь аппарат Комиссии, заявив, что только настоящие революционеры могут работать в этом органе пролетарской диктатуры.

---

[1] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 604, л. 27.

[2] «Правда», 14 июля 1918 г.

[3] См. «Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г. Шесть лет спустя Петерс писал об этом: «Хотя Дзержинский формально был устранен как председатель ВЧК, фактически он оставался руководителем ВЧК, и коллегия была сформирована при его непосредственном участии» («Пролетарская революция», 1924, № 10 (33), стр. 20). 22 августа 1918 г. Дзержинский постановлением Совнаркома был вновь назначен председателем ВЧК.

«1. Все служащие и сотрудники члены партии левых эсеров,— говорилось в решении,— должны быть уволены. 2. Все служащие члены РКП(б), не зарегистрированные в партийном коллективе, обязаны в 3-дневный срок зарегистрироваться в коллективе. 3. Беспартийные и сочувствующие большевикам должны в 3-дневный срок подать в коллектив заявление с рекомендациями членов РКП и удостоверение о прежней деятельности»[1].

В 2 часа 40 минут дня 7 июля из Москвы передали по телеграфу, а затем по радио сообщение бюро печати Совнаркома о ликвидации мятежа левых эсеров.

В 4 часа дня было выпущено правительственное сообщение о полном разгроме левоэсеровских мятежников в Москве:

«Контрреволюционное восстание левых эсеров в Москве ликвидировано. Левоэсеровские отряды один за другим обращаются в самое постыдное бегство. Отдано распоряжение об аресте и разоружении всех левоэсеровских отрядов и прежде всего об аресте всех членов ЦК партии левых эсеров. Оказывающих вооруженное сопротивление при аресте — расстреливать на месте.

Арестовано несколько сот участников контрреволюционного мятежа, в том числе видный член партии левых эсеров Александрович, занимавший пост товарища председателя в Комиссии по борьбе с контрреволюцией и действовавший так же, как действовал провокатор Азеф.

Рабочие и красноармейцы призываются к бдительности. Мобилизация сил должна продолжаться. Все до единого члена левоэсеровских отрядов должны быть обезврежены»[2].

После разгрома поповцев председатель Совнаркома беседовал о мятеже с сотрудником газеты «Известия» А. А. Антоновым.

В. И. Ленин сказал, что революция в своем развитии доводит до логического конца каждое положение, беспощадно вскрывает все убожество, всю преступ-

---

[1] Партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС, ф. 64, оп. 2, ед. хр. 716, л. 61.

[2] «Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

ность неверной тактики. Так случилось с левыми эсерами.

«Закрыв глаза на действительность,— продолжал он,— с безумным упорством они продолжали гнуть свою линию, не чувствуя, как все дальше и дальше расходятся с народными массами, стремясь, во что бы то ни стало, хотя бы насильственно, навязать этим массам свою волю, волю Центрального Комитета, в состав которого входили преступные авантюристы, интеллигенты-истерики и т. п... А рабочие и крестьянские массы еще сильнее, еще ближе сроднились в эти дни с партией коммунистов-большевиков, истинной выразительницей воли народных масс» [1].

Вечером Ленин вместе с Надеждой Константиновной Крупской поехали в Трехсвятительский переулок. Ему хотелось узнать, как левые эсеры организовали оборону.

Их провели по комнатам, в которых царил полный беспорядок. На полу — обвалившаяся штукатурка, разбитые стекла, клочки бумаги. Ни расположение особняка, ни его внутреннее устройство не представляли ничего особенного. У Ленина пропал интерес, и он скоро уехал из Трехсвятительского переулка [2].

Разгром мятежников в открытой вооруженной борьбе преподал ряд важных уроков в военном деле.

Он показал правильность тактики Коммунистической партии, пославшей лучших своих представителей в части Красной Армии. В докладе Подвойского и Муралова Совнаркому о разгроме мятежников подчеркивалось, что успеху военной операции содействовали «присланные ЦК нашей партии в распоряжение командования в значительном количестве наши партийные ответственные товарищи, которые были назначены нами комиссарами вокзалов, полков, рот, районных комиссариатов, казарм и служили нашей связью как с районами, так и с действующими воинскими частями и были лучшей нашей разведкой» [3].

Всеми операциями по разгрому мятежа руководил

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 518, 519.

[2] См. *Н. К. Крупская.* Переезд Ильича в Москву и первые месяцы его работы в Москве. В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., 1957, стр. 192—193.

[3] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 184.

Ленин. Данишевский писал о нем: «Он подсчитывал наши силы и силы противника. Учитывал его беззубую и пугливую тактику (неактивность левых эсеров). Давал лично распоряжения, телефонограммы горсоветам, сельсоветам, штабу. Владимир Ильич в конечном итоге санкционировал метод ликвидации мятежников (короткий беспощадный артиллерийский огонь по штабу противника).

Это и было осуществлено.

Ленин давал также самые конкретные указания относительно ликвидации бегущих в панике левых эсеров» [1].

Военный разгром мятежников еще раз доказал огромное преимущество регулярных частей Красной Армии. Известно, что левые эсеры были ярыми противниками создания советской регулярной армии. Они ратовали за партизанские отряды. Даже борьбу против вымуштрованной и хорошо вооруженной кайзеровской армии они думали (после срыва Брестского договора) вести кустарным способом, повстанцами. Левые эсеры выступали против строгой воинской дисциплины в армии, отстаивали выборность командного состава, отрицательно относились не только к использованию буржуазных военных специалистов, но и к самой военной науке. Взгляды левых эсеров на армию во многом совпадали со взглядами «левых коммунистов».

V съезд Советов на заседании 9 июля полностью одобрил энергичные действия Совнаркома по ликвидации мятежа и потребовал сурового наказания преступников. Он постановил также изгнать из Советов тех левых эсеров, которые будут поддерживать свой ЦК, поставивший страну на грань войны с Германией и организовавший вооруженное выступление против Советской власти.

«Торжественно подтверждая, что главной задачей Советской власти в области внешней политики остается по-прежнему обеспечение мира для истощенной страны,— говорилось в решении,— Всероссийский съезд заявляет, что в случае иноземного нашествия, с чьей бы стороны оно не исходило, обязанностью всех рабочих и крестьян и всех честных граждан

[1] «Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии», стр. 172.

явится беззаветная защита Советского отечества против империалистов»[1].

На основе решений высшего органа власти Московский областной Совет 18 июля исключил всех (10 человек) левых эсеров — членов Исполкома, не осудивших авантюристический курс своего ЦК. То же самое произошло в Московском городском и районных Советах.

Затем члены партии левых эсеров были исключены (или вышли сами) из многих губернских и уездных Советов. Оставались только те, кто решительно порывал с руководством партии, осуждал авантюристическую деятельность ЦК левых эсеров.

«РУКИ ПРОЧЬ, ВСЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ!»

Вслед за Москвой левые эсеры подняли мятежи еще в нескольких местах. Самым опасным для Советской власти было предательство командующего Восточным фронтом бывшего полковника М. А. Муравьева.

До этого он руководил войсками на Украине. За зверское обращение с населением его предали суду, но при заступничестве Троцкого и других лиц Муравьев был оправдан. Это был не лишенный таланта демагог, умевший держать в руках «армейскую вольницу» того времени. В военном деле он, по словам командующего 1-й армией Восточного фронта М. Н. Тухачевского, был не силен. В эсеровской программе разбирался плохо. И все же левые эсеры на него рассчитывали.

Узнав об этом, председатель Совнаркома вечером 7 июля дал предписание Реввоенсовету Восточного фронта в Казань (оно было передано по прямому проводу) установить за командующим тройной контроль. Членам Реввоенсовета предлагалось попеременно дежурить при Муравьеве, не оставлять его ни на один миг. Ленин просил сообщить, «можете ли

[1] «Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет», стр. 209.

гарантировать, что Муравьев не пойдет на эту глупую авантюру»[1].

В ответ член Реввоенсовета Восточного фронта К. А. Мехоношин доложил председателю Совнаркома о поведении командующего. Он сказал, что Муравьев всю ночь с 6 на 7 июля не спал, находился в штабе фронта и был в курсе событий в Москве, но скрывал все от Реввоенсовета. В 4 часа утра члены Реввоенсовета, узнав помимо Муравьева о мятеже левых эсеров в Москве, немедленно известили об этом местный Совет, мобилизовали надежные силы, установили строгий контроль за действиями командующего фронтом. Во второй половине дня, когда из Москвы пришло известие о подавлении мятежа, поведение Муравьева и казанских левых эсеров изменилось. Местный левоэсеровский комитет занял нейтральную позицию по отношению к московским событиям. Он не осудил, но и не одобрил деятельность своего ЦК, а Муравьев заверил в полной преданности Советской власти, заявив, что он выходит из партии левых социалистов-революционеров, если она идет против Советов.

Ленин указал: «Запротоколируйте заявление Муравьева о его выходе из партии левых эсеров, продолжайте бдительный контроль»[2].

Однако 10 июля Муравьев с отрядом бежал в Симбирск, где левые эсеры имели довольно сильные позиции. Здесь он приказал занять телеграф, телефон, банк, арестовать некоторых советских работников, окружить Совет. Он дал телеграммы Ленину, в германское посольство, в Киев, в которых объявлял войну Германии. На заседании Совета, состоявшемся ночью, главарь мятежа объявил, что в стране прекращается гражданская война и начинается война с немцами и большевиками, что он образует «Поволжскую республику». Когда коммунисты пытались его арестовать, он оказал вооруженное сопротивление и был убит. Измена Муравьева ослабила Восточный фронт.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 33664, л. 5. Текст поручения В. И Ленина написан рукой секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова Председателем Реввоенсовета Восточного фронта в то время был П А. Кобозев, членами — К. А. Мехоношин и Г. Н. Благонравов (последний находился в отъезде).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 116.

В Петрограде левые эсеры, сконцентрировав главные силы в здании Пажеского корпуса, оказали сопротивление советским войскам. Однако после получасового боя они выбросили белый флаг и были разоружены. В других местах Петрограда разоружение левых эсеров произошло без боя.

В Туле левоэсеровская дружина сдалась без боя. У нее отобрали пулеметы, винтовки, бомбы, патроны, грузовик. Губернский комитет левых эсеров отмежевался от политики своего ЦК.

Левые эсеры подняли мятеж в Жиздре, но были выбиты из города. Мятежники направились в села и деревни уезда. Однако помощи у крестьян они не получили и были скоро разоружены.

Большевики быстро обезвредили дружины левых эсеров в Вологде, Витебске, Воронеже и других городах. Партия левых эсеров в течение нескольких дней потеряла свои боевые силы.

Рабочие повсюду осудили действия левых эсеров, назвав их предательскими по отношению к революции. Не поддержали левых эсеров также крестьяне, в том числе и те, которые до этого выражали недовольство продовольственной политикой Советской власти. Крестьяне не хотели войны с Германией.

Совет деревни Кашино (Московская губерния) 7 июля запрашивал Совнарком: «Просим сообщить, нужна ли помощь?»[1] Из Смоленска в тот же день телеграфировали Ленину, что во всем районе приняты меры для предотвращения выступлений левых эсеров.

На защиту Советского правительства встали многие части Красной Армии.

7 июля комиссар В. Г. Иванов сообщал в Кремль из Саратова:

«Собираюсь выехать в Баку с отрядами, но события в Москве заставили меня отложить поездку. Носится масса тревожных слухов, проверить же их очень трудно благодаря перерыву телеграфа. Если есть необходимость, я со своим отрядом, включая и броневой дивизион, вернусь в Москву...»[2]

[1] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 604, л. 2.

[2] Часть сообщения Иванова была передана В. И. Лениным в «Правду» (см. «Правда», 8 июля 1918 г.; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 437).

Ленин ответил Иванову: «Проезжайте дальше в Баку, восстание ликвидировано»[1].

Из Воронежа военные власти телеграфировали Ленину:

«...На местах зорко следим за событиями и не допустим никаких выступлений, подавим в корне»[2].

Из Юхнова на имя V съезда Советов писали:

«Мы, красноармейцы-юхновцы, на весь мир заявляем, что восстание, поднятое левыми эсерами совместно с контрреволюционерами против Советской власти, съезда Советов в Москве, есть не что иное, как переход их на сторону буржуазии. Мы твердо заявляем, что до последнего человека, до последней капли крови будем защищать нашу федеративную республику. Руки прочь, все контрреволюционеры, провокаторы и убийцы! Да здравствует Совет рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов!»[3]

Вооруженные выступления левых эсеров против Советской власти привели к полной изоляции этой мелкобуржуазной партии. Трудящиеся массы отвернулись от нее. Об этом свидетельствуют выборы делегатов на VI Всероссийский съезд Советов, который состоялся в ноябре 1918 г. Если на V съезде Советов левых эсеров было более 30%, то на VI — менее 1%. Число большевиков возросло до 98%.

ПОД СОЕДИНЕННЫМИ УДАРАМИ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ

В Берлине сообщение об убийстве Мирбаха было получено сразу же после его смерти. Старейший посольства, доктор Рицлер сообщал по телеграфу, что «покушение готовилось заранее. Дело об австрийском офицере Роберте Мирбахе было только предлогом для работников ВЧК проникнуть к послу кайзера»[4].

«Военная партия» Германии решила использовать

[1] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 591, л. 207.

[2] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 1106, л. 486.

[3] «Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет», стр. 230.

[4] Staatsarchiv Dresden. Außenministerium Nr. 2080. Informatorische Aufzeichnung Nr. 73, vom, 8. Juli 1918.

террористический акт над немецким послом для предъявления Советской республике жестких требований. Она особенно придиралась к тому, что физические убийцы Мирбаха не пойманы, большинство членов ЦК левых эсеров не арестовано. Представители верховного командования говорили: «Если заметят, что Германия принимает убийство Мирбаха без искупления, то на одной стороне пропадет страх перед Германией, на другой — надежда на Германию»[1].

14 июля в 11 часов вечера исполняющий обязанности германского дипломатического представителя доктор Рицлер посетил наркома Чичерина и передал ему содержание только что полученной им из Берлина телеграммы.

В ней было требование о срочном вводе в Москву батальона солдат императорской армии для охраны германского посольства.

«С тяжелым, угнетенным чувством пошел я немедленно доложить Владимиру Ильичу о полученном кратком извещении,— писал Бонч-Бруевич.— Я сообщил ему, что есть очень важные известия из Москвы.

— От немцев?

— Да,— и я подал ему полученную телефонограмму. Владимир Ильич быстро прочел ее и, еще читая, стал бледнеть.

«Значит, негодование охватило его сердце»,— подумал я.

Он оторвался от листка и поднял голову...

— Чего захотели?.. А!.. Прохвосты! Вот левые эсеры добились своего. В колонию нас обратить?..

Нет!..

Он быстро прошелся несколько раз по своей маленькой комнатке, где стояли две кровати и маленький столик, за которым он занимался.

— Хорошо, мы им ответим,— грозно сказал он и, как всегда перед работой или выступлением, провел себя обеими руками несколько раз по голове, разглаживая венчик когда-то немного вившихся волос.

Он вдруг улыбнулся, даже тихонько засмеялся и камнем сел за свой маленький столик, придвинул пач-

[1] *А. Ахтамзян.* От Бреста до Киля. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963, стр. 146.

ку бланков в половину писчего листа, на которых был напечатан штемпель «Совет Народных Комиссаров», и сразу углубился в работу»[1].

Ответ немцам Ленин огласил 15 июля на заседании ВЦИК как правительственное заявление. Касаясь требования германских империалистов ввести в Москву батальон войск кайзеровской армии, председатель Совнаркома заявил, что оно ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не может быть удовлетворено, ибо это не что иное, как начало оккупации страны чужеземными войсками.

«На такой шаг,— продолжал Ленин,— мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехословаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всякого изъятия, путей сообщения, складов и в особенности продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, и эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания»[2]. Глава Советского правительства заявил, что, если война все же станет фактом, большевики не изменят своего отношения «к шайке левоэсеровских предателей». Он призвал рабочих и крестьян к бдительности, выдержке, к самопожертвованию в защите Советской власти, социализма.

Заслушав речь и заявление В. И. Ленина, ВЦИК пятого созыва единогласно принял резолюцию: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет целиком одобряет заявление Председателя Совета Народных Комиссаров и постановляет довести его до сведения самых широких трудовых масс». Правительственное заявление под заглавием «Обращение тов. Ленина к рабочим, крестьянам и солдатам Красной Армии, одобренное на заседании Всероссийского

[1] *Влад. Бонч-Бруевич.* Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров, стр. 54—55.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 525—526.

Центрального Исполнительного Комитета от 15 июля 1918 г.», было опубликовано 17 июля в «Известиях ВЦИК».

15 июля 1918 г. народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин передал ноту Рицлеру с изложением позиции Советского правительства.

Тяжелое военное положение Германии летом 1918 г. и твердая политика Советского правительства заставили немецких империалистов не настаивать на своих требованиях.

28 июля 1918 г. в Москву прибыл назначенный германским дипломатическим представителем в Советской республике Карл Гельферих. Представитель «жесткого курса», он предлагал Берлину «своевременно отойти от большевиков», быстрее сблизиться с антисоветскими силами внутри России, в том числе с царским генералом Хорватом, адмиралом Колчаком, представителями контрреволюционного подпольного «Правого центра». Но Гельферих скоро отбыл в Берлин, а германская миссия 7 августа выехала из Москвы в Петроград, а оттуда через Финляндию в оккупированный немцами Псков.

В ноябре 1918 г. в Германии произошла революция, которая свергла императора Вильгельма второго и провозгласила в стране республику.

13 ноября ВЦИК аннулировал грабительский Брестский договор, навязанный Советской России немецкими милитаристами. «Брест-Литовский мир насилия и грабежа,— говорилось в постановлении ВЦИК,— пал, таким образом, под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров» [1].

УРОКИ ИСТОРИИ

ОСОБАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ УСТАНОВИЛА...

Сразу же после ликвидации левоэсеровской авантюры в Москве Совнарком образовал комиссию для расследования убийства германского посла Мирбаха

[1] «Декреты Советской власти», т. IV (10 ноября 1918 — 31 марта 1919 г.). М., 1968, стр. 16.

и мятежа левых эсеров. Возглавил ее нарком юстиции П. И. Стучка. В комиссию вошли следователь Верховного революционного трибунала при ВЦИК В. Э. Кингисепп и председатель Казанского Совета Я. С. Шейнкман. Она получила официальное название Особой следственной комиссии и разместилась в Кремле в Доме правительства.

Первым 7 июля был допрошен Александрович.

Он сказал, что отданный им приказ об аресте Лациса и Петерса и все остальные действия основывались на указаниях ЦК партии левых эсеров, что взятые им в ВЧК 550 тысяч рублей будут возвращены. На все остальные вопросы Александрович отвечать отказался.

В тот же день были допрошены Жарков, его активные помощники по аресту руководящих работников ВЧК, поповские разведчики, захваченные во время мятежа с оружием в руках.

Поздно вечером 7 июля ВЧК вынесла смертный приговор 13 поповцам, в числе которых был и Александрович. В ночь на 8 июля приговор был приведен в исполнение.

Дзержинский, когда Александрович был уже расстрелян, писал: «Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в Комиссии и всегда почти он соглашался со мною и никакого двуличия не замечал. Это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я... не поручил бы ему расследовать жалобы, которые поступали иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникали сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу примириться с мыслью, что это сознательный предатель, хотя все факты налицо и не может быть после всего двух мнений о нем» [1].

С 10 июля Особая следственная комиссия приступила к планомерному расследованию. Надо было выявить роль ЦК партии левых эсеров в целом и каждого его члена в событиях 6—7 июля 1918 г.

Была допрошена и Мария Спиридонова. Члены Особой следственной комиссии, работники ВЧК отно-

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 193—194.

сились к ней внимательно. В архивах обнаружен материал только одного допроса Спиридоновой.

Спиридонова показала, что Мирбах был убит по решению партии, чтобы расторгнуть Брестский договор. Всю организацию убийства она брала на себя. Это делалось сознательно, чтобы отвести удар от остальных. В открытом письме, написанном осенью 1918 г. в ЦК большевистской партии, она сообщала: «Я была уверена, что, сгоряча расправившись со мною, вы испытали бы потом неприятные минуты, так как что ни говори, а этот ваш акт был бы чудовищным, и вы быть может потом скорее опомнились и приобрели бы необходимое в то время хладнокровие» [1].

Мария Спиридонова шла на провокацию, за которую готова была заплатить жизнью. Но спровоцировать большевиков ей не удалось.

На допросе лидер левых эсеров пыталась отрицать намерение партии свергнуть Советское правительство, напирая на то, что такого постановления ЦК не выносил.

Спиридонова утверждала: «Все происшедшее является результатом стремительной защиты русским правительством убитых агентов германского империализма и самозащитой ЦК партии, совершившего это убийство» [2]. Версию, что левые эсеры ни к какому вооруженному выступлению против Советской власти не готовились, что их действия были вынужденными, затем повторяли многие активисты партии, а в наше время проповедуют буржуазные историки за границей.

Правда, лидер левых эсеров признавала, что перед 6 июля «мы приняли меры к мобилизации левоэсеровских сил», но якобы из-за опасения захвата Москвы военнопленными немцами.

Спиридонова не хотела говорить правду по главному пункту обвинения — о захвате власти. А между тем еще на 2-м съезде партии левых эсеров (апрель 1918 г.) она заявила: «За политическую власть борются все партии», «нам необходимо взять в свои руки государственный аппарат, военный, дипломатический, технический», на 3-м съезде: «Вся история,

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 30, л. 56.
[2] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 201.

вся обстановка борьбы сводится к тому, что нашей партии левых социалистов-революционеров надлежит взять руководящее место во всей дальнейшей борьбе крестьянства и рабочих со своим классовым врагом... Мы вступаем в новую стадию политического продвижения вперед, когда, наверное, мы будем партией господствующей» [1].

Вскоре после первого допроса Спиридонову перевели в другое помещение.

Помощник коменданта Кремля Бауде рассказывал, что Ленин приказал устроить Спиридонову в Кремле возможно лучше. Ей отдали две самые хорошие комнаты в Николаевском дворце, так называемые «девичьи». Они были светлые, уютные, находились на втором этаже. Пищу ей приносили из кухни Совнаркома. Почти каждый день из Красного Креста и других организаций ей присылали папиросы, разную литературу, в том числе и эсеровскую. Спиридонова вела оживленную переписку (правда, переписка шла через комендатуру и там расшифровывалась).

Но сама Спиридонова была недовольна своей новой «квартирой». Первыми ее словами были: «Я двенадцать лет боролась с царем, а теперь меня большевики посадили в царский дворец» [2]. А в левоэсеровских газетах стали все чаще и чаще появляться клеветнические статьи о притеснении Спиридоновой. Для опровержения этого Бонч-Бруевич решил посетить лидера левых эсеров и попросить ее рассказать правду.

Левая эсерка категорически отказалась выполнить просьбу Бонч-Бруевича.

Мария Спиридонова находилась в Кремле до суда.

22 июля дал первое показание Саблин. Его опознал на пароходе, шедшем из Саратова в Царицын, председатель Царицынского Совета Ерман и сдал в местную ЧК. Саблин заявил, что является членом партии левых эсеров с момента ее основания, что по поручению своего ЦК он еще вечером 4 июля прибыл в отряд Попова, а 6 июля находился там весь день, от-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 4, л. 188.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 5, л. 47.

лучившись лишь на короткое время в «Метрополь», где жил, чтобы взять «на всякий случай маленький чемоданчик со штатским костюмом и пальто».

Саблин защищал на допросе официальную левоэсеровскую версию, будто арест Дзержинского был актом самозащиты. Будучи фактически вместе с Поповым военным руководителем (от ЦК левых эсеров), он старался преуменьшить силы отряда и свое участие в боевых действиях.

Особая следственная комиссия допросила около 650 участников мятежа. В архивных делах содержатся показания людей из отряда Попова, а также свидетелей из частей Красной Армии, размещавшихся в Покровских казармах. Большинство их не принимало активного участия в мятеже.

Матвей Тайнилайнен показал, что в отряд Попова он поступил 25 июня. Раньше находился в Красной гвардии в Финляндии, о восстании ничего не знал. Вместе с отрядом отступал по Владимирскому шоссе, добровольно сдался в Павлове-Посаде.

Двадцатилетний матрос Черноморского флота Иван Овечкин заявил: «Я считаюсь большевиком и против Советской власти не иду. Я бежал вместе с отрядом и сдался на заводе при станции Обираловка».

Степан Куркин, находившийся в отряде с утра 6 июля, сообщил: «Я беспартийный. В 6—7 часов вечера (6 июля) меня поставили дежурить к пулемету. Никто мне ничего не объяснял. Никаких приказов не давали. По отряду ходили слухи, что убит посол Мирбах и что немцы двигаются к нашему отряду разоружать нас».

Разумеется, к этим показаниям надо относиться осторожно. Они неполны и однобоки. И все же, взятые в совокупности, они свидетельствуют, что многие восставшие (из рядовых) не разбирались в событиях 6—7 июля.

«Значительная часть вооруженных сил Трехсвятительского Пьемонта,— писал член Особой следственной комиссии Кингисепп,— находилась в полном неведении и непонимании происходившего даже 7 июля, когда среди них разрывались снаряды. Все финны в составе более двух рот так и были убеждены, что они защищаются против австро-германцев, которые, обла-

чившись в красноармейские мундиры, восстали для свержения Советской власти»[1].

Только часть мятежников действовала сознательно.

После допроса многие арестованные были освобождены, часть направлена в ВЧК и другие органы. К сентябрю 1918 г. комиссия провела основную работу по расследованию заговора ЦК левых эсеров. Но закончить ее не удалось. Обстоятельства сложились так, что председатель Стучка в начале сентября должен был выехать в Берлин. Член комиссии Шейнкман погиб: 8 августа 1918 г. он был расстрелян белогвардейцами в Казани. Учитывая все это, Коллегия Народного комиссариата юстиции 13 сентября 1918 г. вынесла решение о передаче дела в следственную комиссию революционного трибунала при ВЦИК.

СУД

27 ноября 1918 г. в двенадцатом часу дня в бывшем здании Судебных установлений в Кремле начался судебный процесс. Революционный трибунал при ВЦИК на открытом заседании рассматривал «дело о контрреволюционном заговоре Центрального комитета партии левых социалистов-революционеров и других лиц той же партии против Советской власти и революции». Из четырнадцати обвиняемых в суд были доставлены только Спиридонова и Саблин. Остальные от суда скрылись.

На решение суда большое влияние оказала внутренняя и международная обстановка.

Осенью 1918 г. в Советской республике произошли огромные изменения в расстановке классовых сил Колебавшееся летом среднее крестьянство, испытав власть белогвардейцев, повернуло в сторону Советской власти. Красная Армия добилась значительных успехов на фронтах: было освобождено все Поволжье.

Изменилась обстановка в Западной Европе. Германия потерпела поражение в войне, в стране произошла революция. Брестский договор был аннулиро-

[1] *Д. Руднев, С. Цыбов.* Следователь республики. «Волга», 1967, № 5, стр. 122.

ван. Части Красной Армии и повстанцы Украины, Белоруссии, Прибалтики очищали советскую землю от оккупантов и их ставленников.

В этих условиях некоторые вопросы, стоявшие на первом плане в июле 1918 г., теперь утратили свою остроту. Все это наложило свой отпечаток на судебный процесс над левыми эсерами.

Спиридоновой и Саблину Революционный трибунал, учитывая благоприятную обстановку в стране и, как говорилось в решении трибунала, их «прежние заслуги перед революцией», смягчил меру наказания и приговорил к заключению в тюрьму сроком на один год, остальных обвиняемых, в том числе Блюмкина и Андреева,— к трем годам тюремного заключения.

Попова суд объявил «врагом трудящихся, стоящим вне закона, и как такового при поимке и установлении личности расстрелять»[1].

29 ноября 1918 г. Спиридонова и Саблин были амнистированы.

Ю. В. Саблин после освобождения отправился на Украину, где руководил повстанческими отрядами в борьбе с Петлюрой, затем командовал дивизией Красной Армии, участвовал в боях против Деникина и Врангеля. В 1919 г. Саблин, окончательно порвав с левыми эсерами, вступил в РКП(б). В марте 1921 г. он участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. За боевые заслуги Советское правительство наградило его двумя орденами Красного Знамени. После гражданской войны он продолжал служить в Красной Армии, занимая высокие посты.

В середине апреля 1919 г. в Киевскую ЧК добровольно явился Яков Блюмкин. 7 июля 1918 г. поповцы, отступая из Трехсвятительского переулка, забыли взять его из лазарета ВЧК. В тот же день он вместе с другими ранеными был увезен в больницу, где назвался красноармейцем Григорием Беловым. Через не-

---

[1] Д. И. Попов в 1919 г. вступил в банду Махно. Осенью 1920 г. во время переговоров Махно с представителями Советской власти о совместных действиях против Врангеля Попов в составе махновской делегации прибыл в Харьков. В ноябре 1920 г., когда Махно нарушил соглашение с Советской властью и все его отряды были объявлены врагами рабоче-крестьянского государства, Попов был арестован в Харькове, затем расстрелян.

сколько дней друзья помогли ему из больницы бежать. Под разными фамилиями Блюмкин жил в Рыбинске, Кимрах, Гатчине, Царском Селе, в конце осени перебрался на Украину. Здесь в составе боевой организации левых эсеров готовил террористические акты против оккупантов, вместе с коммунистами организовывал повстанческие отряды, участвовал в борьбе с немцами.

Добровольную явку в ЧК Блюмкин объяснил желанием рассказать правду о событиях 6 июля, своим тяжелым моральным состоянием из-за того, что находился в подполье, а также стремлением «реально работать на пользу революции».

Блюмкин отрицал сам факт мятежа, заявив, что в Трехсвятительском переулке осуществлялась самооборона, что ни он, ни Андреев ни в коем случае не согласились бы убить германского посла «в качестве повстанческого сигнала».

В показаниях Блюмкина содержались противоречивые утверждения и фактические неточности. В одном из них он писал, что ночью 4 июля его пригласили на заседание ЦК левых эсеров, на котором был окончательно решен вопрос об убийстве Мирбаха. В другом — сообщал, что он не был на заседании ЦК 4 июля, а узнал об этом от одного из лидеров партии [1]. На самом деле никакого заседания ЦК левых эсеров в ночь на 5 июля 1918 г. не было. Состоялось лишь совещание небольшой группы членов ЦК, созданной еще 24 июня 1918 г. с целью организации убийства представителей германского империализма.

Изменение обстановки в стране, добровольная явка в советские карательные органы дали Особой следственной комиссии основание ходатайствовать перед ВЦИКом об освобождении. Я. Блюмкина из-под стражи. 16 мая 1919 г. он был амнистирован.

В дальнейшем Блюмкина приблизил к себе Троцкий, взяв его в Военный комиссариат. Когда Троцкого в 1929 г. изгнали за пределы Советской страны, Блюмкин поехал вместе с ним, возглавляя охрану. В конце 1930 г. Блюмкин тайно пробрался в СССР. Был арестован, судим и расстрелян за антисоветскую деятельность и нелегальный провоз оружия.

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 226, 232.

Второй террорист, Николай Андреев, после разгрома мятежа левых эсеров, так же как и Блюмкин, бежал на Украину. Умер там от сыпного тифа.

В декабре 1918 г. умер П. П. Прошьян. В. И. Ленин писал, что народническое мировоззрение Прошьяна привело его к роковой ошибке, толкнуло затем на путь вооруженной борьбы с Советской властью. Вместе с тем Ленин отметил и заслуги Прошьяна, сделанные им до мятежа [1].

В. А. Карелин был арестован в феврале 1919 г., затем освобожден. Бежал за границу, где занимался антисоветской деятельностью.

Д. А. Черепанов встал на путь оголтелой террористической борьбы с Советской властью. В сентябре 1919 г. он вместе с анархистами устроил взрыв в помещении Московского комитета большевиков в Леонтьевском переулке, во время которого погиб секретарь комитета В. М. Загорский и другие коммунисты. В своих показаниях он сообщал: «Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента было возложено на меня» [2]. По приговору Московской Чрезвычайной Комиссии Черепанов был расстрелян.

А. Л. Колегаев после мятежа порвал с левоэсеровской партией и осенью 1918 г. вступил в РКП(б). Был членом Реввоенсовета Южного фронта и начальником снабжения.

Б. Д. Камков продолжал заниматься антисоветской деятельностью до 1921 г. Был арестован. После освобождения отошел от политической деятельности.

Многие из левых эсеров в дальнейшем порвали со своей партией.

Все мятежники, которые осознали свои ошибки, стали честно служить Советской власти, были помилованы, сделались полноправными гражданами нашей страны. Те же из них, которые не прекратили борьбы против государства рабочих и крестьян, продолжали вредить народу, были изолированы, а злостные наказаны.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 384—385.
[2] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 315.

ПАРТИЯ ОБРЕЧЕННЫХ

Мятежи левых эсеров не были случайными. Они явились следствием всей предшествующей политики этой мелкобуржуазной партии, проявлявшей величайшие колебания между буржуазией и пролетариатом. Выступив с оружием в руках против диктатуры пролетариата, против партии коммунистов, без которой эта диктатура немыслима, левые эсеры, как партия, обрекли себя. Лидеры левых эсеров сами подписали себе смертный приговор. Недаром левых эсеров стали называть «партией самоубийц». 6-е июля был днем политической гибели этой партии. Партия левых эсеров объективно превращалась в контрреволюционную организацию. В дальнейшем она должна была независимо от субъективных желаний руководителей сомкнуться с открытыми врагами рабоче-крестьянского государства. В партии неизбежен был раскол.

«Мы, как партия,— писали видные левые эсеры после мятежа,— теряем вместе с тем друго-критиков слева и приобретаем против нашей воли врагов-«друзей» справа. Большевики, естественно, отворачиваются от нас, изменивших им в самую трудную и острую минуту классовой борьбы, зато к нам примазываются правые с.-р. и иже с ними.

Мы расползаемся по швам.

Советская партия социального переворота готова превратиться в заговорщическую антисоветскую соглашательскую партию» [1].

Левый эсер А. Устинов констатировал в то время, что левые социалисты-революционеры становятся «своеобразной партией кадетов с бомбой».

События 6—7 июля подтвердили неоднородность партии левых эсеров, большой разрыв между «верхами» и «низами» партии. После мятежа разрыв превратился в пропасть, и это стало одной из причин гибели партии. «Оторванность ЦК от жизни, от партийных масс стала очевидна,— писал левоэсеровский деятель П. Сапожников,— ибо «низы» партии даже не предполагали порой о возможности тех событий, которые

---

[1] «Вокруг московских июльских событий». Саратов, 1918, стр. 3.

развернулись в центре. Для очень и очень многих из нашей партии московские события явились громом при ясном небе»[1].

После июльского мятежа многие левые эсеры осудили своих лидеров и вышли из партии. Часть их вступила в РКП(б), другая — отошла от политической деятельности.

Отношение рядовых членов партии к своим лидерам характеризует такой факт. На одном уездном съезде Советов, состоявшем в большинстве из эсеровски настроенных крестьян, было внесено предложение включить в резолюцию пункт об освобождении Марии Спиридоновой. При голосовании за это предложение поднял руку только один человек[2].

Оставшиеся в партии левые эсеры раскололись. Образовались две новые партии. Одна из них — партия народников-коммунистов — возникла в августе 1918 г. в Москве. Она заявила о поддержке Советской власти, признала комбеды, но все делала с оговоркой. Эта по взглядам народническая партия была настолько малочисленной и ничтожной по своему влиянию на массы, что уже в ноябре 1918 г. заявила о своей ликвидации. «Народники-коммунисты» обратились в ЦК РКП(б) с просьбой принять их в свою партию. Коммунисты, ставя перед собой задачу объединения всех трудящихся и перевоспитания их в духе большевизма, сочли возможным удовлетворить их просьбу.

Другая партия — партия революционных коммунистов — возникла в сентябре 1918 г. в Саратове. Она тоже заявила о поддержке Советской власти. Эта партия не имела сколько-нибудь значительного влияния в крестьянстве. Численность ее, и так небольшая, уменьшалась с каждым днем. Осенью 1920 г. «революционные коммунисты» заявили о ликвидации своей партии. Они, так же как и «народники-коммунисты», направили просьбу в ЦК РКП(б) о принятии их в большевистскую партию. Их просьбу удовлетворили.

Однако часть левых эсеров, главным образом руководители и активисты, не только не прекратили борьбы с Советской властью, но усилили ее. Левые эсеры

[1] «Вокруг московских июльских событий». Саратов, 1918, стр. 42.

[2] См. «Знамя труда», 21 ноября 1918 г.

грозили большевикам террором. «Партия левых социалистов-революционеров,— говорилось в одном из постановлений партии в начале августа 1918 г.,— всегда признавала и будет признавать террор как средство активного меньшинства, зовущего на борьбу с насилием»[1]. Но свою угрозу они не в силах были претворить в жизнь. Зато обанкротившиеся лидеры, особенно Спиридонова, развили бешеную антисоветскую пропаганду. На митингах она открыто призывала к свержению большевиков. Левые эсеры пытались подбить несознательных рабочих на забастовки. В феврале 1919 г. ВЧК арестовала в Москве свыше 50 видных левых эсеров, в том числе и Марию Спиридонову.

Ее судил трибунал, вынесший такое решение:

«Трибунал нашел, что деятельность М. Спиридоновой, как представительницы политической группы левых эсеров, при недостаточно окрепшем положении Красного фронта и тыла Советской России в связи с чрезвычайно сложным положением страны в борьбе с мировым капиталистическим империализмом является вредной.

Однако, принимая во внимание болезненно-истерическое состояние обвиняемой, не преследуя в наказании целей отмщения врагам революции и не желая причинять М. Спиридоновой излишние страдания, одновременно с тем охраняя рабоче-крестьянскую революцию и стоя на страже ее завоеваний, трибунал постановил изолировать М. Спиридонову от политической и общественной деятельности на один год посредством заключения ее в санаторий с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда»[2].

Однако Спиридоновой удалось бежать. В ночь на 2 апреля 1919 г. по подложному пропуску она вышла из Кремля и скрылась. Не прекращая подпольной деятельности, она жила в Москве под именем Пелагеи Семеновны Онуфриевой. В октябре 1920 г. была арестована и заключена в Бутырскую тюрьму. Сюда же скоро попали Камков, Трутовский и некоторые другие

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 31, л. 1. Постановление 1-го совета партии левых социалистов-революционеров от 4 августа 1918 г.

[2] «Правда», 25 февраля 1919 г.

лидеры бывшей партии левых эсеров. Здесь они, верные своей тактике, в первое время устраивали совещания, выносили решения. Позже Спиридонову ввиду психического расстройства поместили в больницу, потом ее взяли на поруки. В 1923 г. она пыталась бежать за границу, после чего была сослана. Отбыв три года ссылки, Спиридонова отошла от политической деятельности.

Небольшие группы левых эсеров в начале 20-х годов сделали попытку объединиться, но безуспешно. Скоро они навсегда прекратили свое существование. Так бесславно кончила свой путь партия левых социалистов-революционеров, отвергнутая народом России.

* *
*

История учит, что любая мелкобуржуазная партия, если она действительно борется за интересы трудового народа, после победы социалистической революции может рассчитывать на понимание и даже поддержку со стороны коммунистов. Ее представители могут войти в состав правительства и занять важные посты в военных и гражданских учреждениях, как это было с левыми эсерами в первые месяцы Советской власти и как это имеет место сейчас в некоторых странах, ставших на путь социализма после второй мировой войны.

Пролетариат и его политический авангард стремятся облегчить мелкобуржуазным слоям и их партиям путь к социализму, вступая с ними в соглашения, как поступили большевики с левыми эсерами. Но эти соглашения заключаются «не в смысле блока для буржуазно-демократической революции, не в смысле ограничения задач социалистической революции, а в смысле исключительно *форм* перехода к социализму для *отдельных* слоев мелкой буржуазии» [1].

Заключенный большевиками блок с левыми эсерами после победы социалистической революции был «честной коалицией», как его назвал В. И. Ленин, ибо между рабочими и крестьянами, ради которых его заключили, нет коренных расхождений, социализм мо-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 424

жет вполне удовлетворить интересы обоих этих классов. Соглашение разбивает клевету врагов социализма, будто коммунисты, завоевав власть, не идут ни на какие компромиссы, ни с кем не разделяют власти. Не большевики, а левые эсеры виновны в том, что блок между двумя партиями просуществовал короткое время. Левые эсеры не выдержали испытания.

Заключая соглашения, идя на компромиссы с мелкобуржуазными партиями, коммунисты ни на йоту не уступают в принципиальных вопросах. Их соглашения преследуют классовые цели, они направлены на укрепление социализма, служат делу пролетарской революции.

Мелкобуржуазные партии и после победы социалистической революции не могут представлять собой самостоятельной политической силы. В ходе классовой и партийной борьбы они или подпадают под влияние буржуазии и тогда становятся реакционными, или признают руководящую роль коммунистической партии, преодолевают буржуазную демократию, встают на путь пролетарской демократии и делаются полезными для социализма. Левые эсеры в июле 1918 г. оказались в стане врагов пролетарской революции.

История учит, что рабочий класс и его партия должны проявлять максимум твердости и решимости для защиты завоеваний социализма, независимо от того кто покушается на них, иначе пролетариат не выполнит своей исторической миссии освобождения человечества от эксплуатации.

Ни одна мелкобуржуазная партия, даже самая революционная (в мелкобуржуазном понимании) не может рассчитывать на снисхождение со стороны коммунистов, если она, даже будучи их союзником на первых этапах социалистической революции, затем предпримет попытку выступить против установившего свое господство рабочего класса и его политического авангарда, если она поднимет меч против диктатуры пролетариата, являющейся высшим политическим завоеванием угнетенных классов.

Такая партия независимо от субъективных желаний ее руководителей, независимо от того какими бы она «революционными» лозунгами ни прикрывалась (вроде ведения «революционной войны с мировым

империализмом», борьбы за «мировую революцию» и т. д. и т. п.), неизбежно становится врагом социалистической революции и в конечном счете врагом всех рабочих и крестьян. Трудящиеся массы отвернутся от нее. Такая партия обречена на гибель. Примером тому партия левых эсеров в России.

Террористический акт над Мирбахом был отражением пресловутой эсеровской теории «героев» и «толпы», следствием их порочной тактики. Левые эсеры хотели действиями «героев» изменить ход истории, остановить развитие социалистической революции в России.

Убийство Мирбаха подтвердило всю несостоятельность эсеровской идеи индивидуального террора вообще, показало, что в условиях диктатуры пролетариата подмена массовой классовой борьбы с буржуазией борьбой с отдельными ее представителями является или полной бессмыслицей (вместо убитого империалиста Мирбаха немцы поставили другого империалиста), или преступлением перед народом, способом навязать большинству народа свою волю, в данном случае войну, которую он отвергает. Партия, допустившая такое действие, неизбежно вступит в конфликт с народом и потерпит поражение.

Мятеж левых эсеров еще и еще раз учит, что в период острой классовой и партийной борьбы пролетариату необходимо установить особо строгий контроль над всеми средствами идеологического воздействия на массы. Коммунисты должны держать под контролем печать, радио (теперь также телевидение), кино, искусство, чтобы враги социалистической революции не могли их использовать в своих целях. До июля 1918 г. в Советской России, в частности в Москве, буржуазные и мелкобуржуазные партии (в том числе и левые эсеры) использовали печать для клеветы на Советскую власть, большевиков. События 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии подтверждают, что антисоциалистические элементы пытаются овладеть прежде всего источниками информации. И если это им удается, завоевания социализма ставятся под угрозу.

Мятеж левых эсеров, использовавших для борьбы с социализмом вооруженные силы самого пролетарского государства, и прежде всего его карательные

органы, преподал коммунистам большой урок. Смысл его состоит в том, что ни одна коммунистическая партия не должна ни на минуту выпускать из-под своего влияния ни армию, ни силы поддержания внутреннего порядка.

Завоевания социализма могут быть сохранены только в том случае, если все вооруженные силы государства, в том числе и силы подавления внутренних врагов, будут находиться под полным и постоянным контролем коммунистической партии, ее высших органов, а личный состав их будет воспитываться в духе марксистско-ленинской идеологии, в духе великих принципов пролетарского интернационализма.

Опыт соглашений большевиков с левыми эсерами и борьбы с ними поучителен для коммунистов всех стран, ибо «поставщиком» мелкобуржуазной демократии наряду с крестьянством являются средние слои города. Изучение этого опыта обогащает тактику коммунистических партий.

ОТ АВТОРА

В настоящей книге использованы все опубликованные работы и документы, относящиеся к мятежу левых эсеров в Москве.

Уже 7 и 8 июля 1918 г. в газетах «Правда» и «Известия ВЦИК» появились сообщения Советского правительства о начале мятежа, его развитии и подавлении, документы о создании следственной комиссии и ее работе, интервью В. И. Ленина с оценкой левоэсеровского мятежа. Вслед за этим были напечатаны краткие воспоминания Ф. Э. Дзержинского, П. Г. Смидовича и ряда других видных советских работников.

В книге нашли отражение также материалы, появившиеся в июне — июле 1918 г. в периодической печати самых разных направлений, в том числе и в левоэсеровских газетах. Некоторые факты были взяты из казанской газеты «За землю и волю», в трех номерах которой (16, 17 и 19 июля 1918 г.) печатались воспоминания левого эсера Д. Д. Шляпникова об аресте фракции левых социалистов-революционеров V съезда Советов в Большом театре. Комментарии, оценки событий и фактов носят в этих воспоминаниях ярко выраженный тенденциозный характер. Поэтому к ним надо подходить критически. В ряде случаев Шляпников сознательно умалчивает или искажает факты.

В 1920 г. в первом томе «Красной книги ВЧК» были опубликованы важнейшие документы Особой следственной комиссии по левоэсеровскому мятежу. Среди них протокол заседания ЦК левых эсеров от 24 июня 1918 г. о срыве Брестского договора и насильственном изменении политики Советской власти, материалы о подготовке к мятежу, описание убийства Мирбаха, агитационные документы, распространяемые мятежниками во время их выступления, показа-

ния обвиняемых левых эсеров М. А. Спиридоновой, Ю. В. Саблина, Я. Г. Блюмкина, а также многих рядовых членов отряда Попова. В книге помещены также показания Ф. Э. Дзержинского, М. Лациса и других советских работников, доклад Совнаркому Н. И. Подвойского и Н. И. Муралова о ходе военных операций, заключение обвинительной коллегии, протокол заседания революционного трибунала при ВЦИК.

В 1940 г. в журнале «Красный архив» (№ 4) была напечатана подборка документов, озаглавленная «Ликвидация левоэсеровского мятежа в Москве в 1918 году»: постановления, циркуляры президиума Моссовета 6—7 июля 1918 г., донесения районных Советов, разведывательные и оперативные материалы штабов Красной Армии, извлеченные из Государственного архива Советской Армии. Эти документы свидетельствуют об огромной роли рабочих, коммунистов, местных организаций РКП(б) и Советов в подавлении мятежа.

Некоторые документы о левоэсеровском мятеже были опубликованы в 1958 г. в книге «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 1917—1921 гг. Сборник документов». В них, в частности, приводятся дополнительные показания Ф. Э. Дзержинского.

Большую и наиболее ценную часть литературы о левоэсеровском мятеже составляют воспоминания.

Это прежде всего мемуары управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича, начальника Латышской дивизии, непосредственно руководившего советскими войсками по подавлению мятежа, впоследствии первого главкома вооруженными силами Советской республики И. И. Вацетиса, видного руководителя латышской социал-демократии К. Х. Данишевского[1].

В. Д. Бонч-Бруевич во время мятежа находился с Лениным. Поэтому его воспоминания, относящиеся к данному периоду, представляют особую ценность.

---

[1] См. *Влад. Бонч-Бруевич.* Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (по личным воспоминаниям). М., 1927 г.; *И. И. Вацетис.* Мятеж левых эсеров в июле 1918 г. В кн. «Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг.». Воспоминания и документы. Рига, 1962, стр. 53—71; *К. Данишевский* и *С. Каменев.* Воспоминания о Ленине. Ленин и гражданская война. Сборник первый. М., 1934 г.

Однако воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, написанные десять лет спустя после событий, содержат некоторые неточности.

И. И. Вацетис в основном пишет о военных действиях. Труд его не просто воспоминания. Он использует также и опубликованный материал. Ценность работы Вацетиса состоит в том, что оценку сил противника, его намерений, ход боевых действий он описывает с позиций того времени, не умалчивая об ошибках, которые были тогда допущены. Огромный интерес представляет описание двух встреч с В. И. Лениным. К сожалению, его работа также не лишена фактических неточностей.

Мемуары К. Х. Данишевского носят обобщающий характер. Автор на основе личных наблюдений дает оценку роли В. И. Ленина в подавлении мятежа левых эсеров.

Интересны воспоминания председателя следственной комиссии по левоэсеровскому мятежу наркома юстиции П. И. Стучки, члена коллегии ВЧК Я. Х. Петерса, командира 2-го латышского полка Ф. А. Риекста, военного комиссара Московского военного округа Н. И. Муралова, коменданта Кремля П. Д. Малькова, члена коллегии Наркомпочтеля А. М. Николаева, сотрудников германского посольства К. Ботмера и Г. Хильгера [1].

В воспоминаниях Стучки, Муралова и Николаева содержатся ценные сведения о деятельности В. И. Ленина, в работе Петерса — об аресте фракции левых эсеров в Большом театре, об освобождении здания ВЧК от мятежников, Ботмера — об убийстве Мирбаха, посещении Лениным, Свердловым и Чичериным

[1] См. *П. Стучка.* Ленин полагался на латышских стрелков. В сб.: «О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии». Рига, 1959, стр. 13—16; *Я. Х. Петерс.* Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции. «Пролетарская революция», 1924, № 10 (33), стр. 16—20; *Ф. А. Риекст.* Из боевого пути 2-го латышского стрелкового полка. В сб.: «Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг.», стр. 144—149; *Н. Муралов.* Встречи с Лениным на военной работе. «Спутник политработника», 1926, № 7, стр. 28; *П. Мальков.* Записки коменданта Московского Кремля, 3-е изд. М., 1967; *А. М. Николаев.* Ленин и радио. М., 1934; *K. Bothmer.* Mit graf Mirbach in Moskau. Tübingen, 1922; *G. Hilger, A. Meyer.* The Incompatible Allics, A Memoir—History of German—Soviet Relations 1918—1941 N-Y., 1953.

германского посольства, о действиях немцев после 6 июля 1918 г.

Исследовательских работ, специально посвященных рассматриваемой теме, мало. Это брошюра В. Парфенова, статьи В. Владимировой, Д. А. Чугаева, В. А. Приставкина, Б. А. Томана, Л. М. Спирина, П. Н. Соболева[1].

Значительный интерес с точки зрения фактического материала представляет работа В. Владимировой. Автор впервые использовала стенографический отчет 3-го съезда партии левых эсеров, материалы Особой следственной комиссии, не вошедшие в «Красную книгу ВЧК».

Работа В. Парфенова вышла в 1940 г., написана на узкой источниковедческой базе, с большим количеством фактических ошибок, сейчас совершенно устарела.

В статьях Б. Томана приводятся новые факты, интересные наблюдения.

О мятеже левых эсеров наряду с другими вопросами рассказывают и книги Л. Бычкова, Н. Кондратьева, П. Г. Софинова, К. В. Гусева, А. И. Спреслиса, Б. Томана[2].

---

[1] См *В. Парфенов*. Разгром «левых» эсеров. М., 1940; *В. Владимирова*. Левые эсеры в 1917—1918 гг. «Пролетарская революция», 1927, № 4 (63), стр. 101—140; *Д. А. Чугаев*. Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти. Разгром «левых» эсеров. «Ученые записки Московского областного педагогического института», т. XXVII, вып. 2 М., 1953, стр. 177—226; *В. А. Приставкин*. Коммунистическая партия — организатор разгрома контрреволюционного левоэсеровского мятежа в Москве. В кн: «В борьбе за победу Октября». М, 1957, стр. 275—305; *Б. А. Томан*. Страница из истории латышских стрелков. Ликвидация мятежа левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 г. «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 16. М., 1961, стр. 181—191; *Б. Томан*. В июльские дни восемнадцатого. «Коммунист советской Латвии», 1968, № 6, стр. 39—45; *Л. М. Спирин*. Разгром мятежа левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 года. «Военно-исторический журнал», 1968, № 8, стр 38—47; *П. Н. Соболев*. К вопросу о возникновении однопартийной системы в СССР «Вопросы истории КПСС», 1968, № 8, стр 20—33.

[2] *Л. Бычкова*. ВЧК в годы гражданской войны. М., 1940 г.; *Н. Кондратьев*. Товарищ Петерсон Рига, 1959; *П. Г. Софинов*. Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960; *К. Гусев*. Крах партии левых эсеров. М., 1963; *А. И. Спреслис*. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября 1917—1918 гг. Рига, 1967; *B Tomanis*. Revolūcijas deļi. Latviešu strēlnieki un sarkangvardi pirmajā Padomju varas gadā Rīga 1970

Самым крупным исследованием о партии левых эсеров является монография К. В. Гусева. Автор раскрывает причины мятежа, анализирует раскол в партии левых эсеров, показывает ее гибель.

В книге А. И. Спреслиса главное внимание уделено военному разгрому мятежников. Автор приводит новые материалы из архива Института истории партии при ЦК Компартии Латвии, отражающие действия латышских стрелков.

Особое место занимают работы М. Я. Лациса [1]. Они в целом носят исследовательский характер, но, поскольку автор сам был работником ВЧК и свидетелем мятежа, в них содержатся элементы воспоминаний.

Д. Руднев и С. Цыбов написали своего рода исторический очерк о работе Особой следственной комиссии, возглавляемой П. И. Стучкой [2].

В книге использованы материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (фонд № 2 — В. И. Ленина; фонд № 19 — Совнаркома; фонд № 17 — ЦК РКП(б); фонд № 5 (461) — документов, направленных В. И. Ленину; фонд № 564 — ЦК партии левых эсеров; фонд № 274 — материалов эсеровской партии); архива отдела истории КПСС этого института (выписки из следственных дел), а также документы архива сектора истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма, в частности воспоминания бывшего командира 1-го легкого артиллерийского дивизиона Латышской дивизии Э. П. Берзина, воспоминания бывшего активного деятеля левоэсеровской партии С. Д. Мстиславского, озаглавленные «Из Кремлевского дневника» [3]. Мстиславский на гауптвахте в Кремле, куда он попал после ареста фракции левых эсеров в Большом театре, об-

[1] *М. Лацис (Судрабс).* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; *М. Лацис.* Тов. Дзержинский и ВЧК. «Пролетарская революция», 1926, № 9, стр. 81—97.

[2] *Д. Руднев* и *С. Цыбов.* Следователь республики. «Волга», 1967, № 5, стр. 103—128. Формально работа посвящена члену комиссии В. Э. Кингисеппу.

[3] С. Д. Мстиславский после июльского мятежа 1918 г. отошел от левых эсеров, сначала был на военной службе, затем занимался хозяйственной деятельностью. Воспоминания были им переданы в 1936 г.

щался со Спиридоновой и Саблиным и многие сведения получил от них.

Разумеется, материалы Мстиславского написаны тенденциозно, требуют строгой проверки и критического отношения к ним.

В книге использованы документы Центрального архива Октябрьской революции (фонд № 130 — Совнаркома), Центрального государственного архива Советской Армии (фонды № 1 — Наркомвоена и № 25883 — Московского военного комиссариата), архива Института истории партии при ЦК Компартии Латвии (фонды № 45 и 46 — воспоминаний латышских стрелков), архива Института истории партии МГК и МК КПСС (фонд 3 — Московского комитета РКП(б), фонд № 64 — партийной организации ВЧК), партийного архива Татарского обкома КПСС (фонд № 36 — истпарта), Московского областного государственного архива (фонд № 40 — Моссовета), а также Дрезденского государственного архива Германской Демократической Республики (донесения представителей германского посольства в Москве в 1918 г.).

ДОКУМЕНТЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ [О ЛЕВОЭСЕРОВСКОМ МЯТЕЖЕ В МОСКВЕ][1]

7 июля 1918 г.

Вчера Всероссийский съезд Советов подавляющим большинством голосов одобрил внешнюю и внутреннюю политику Совета Народных Комиссаров. Так называемые левые эсеры, которые за последние недели целиком перешли на позицию правых эсеров, решили сорвать Всероссийский съезд. Они решили вовлечь Советскую республику в войну против воли подавляющего большинства рабочих и крестьян. С этой целью вчера, в 3 час. дня, был убит членом партии левых эсеров германский посол. Одновременно левые с.-р. попытались развернуть план восстания. Тов. Дзержинский, большевик, председатель Комиссии по борьбе с контрреволюцией, был вероломно захвачен эсерами в плен в тот момент, когда он явился в помещение левоэсеровского отряда. Так же вероломно были захвачены большевики — т. Лацис и председатель Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов т. Смидович. Небольшой отряд левых с.-р. проник на 2 часа в здание телеграфа, и, прежде чем его выгнали оттуда, с.-р. Центральный Комитет разослал по стране несколько лживых и шутовских телеграмм совершенно в духе разнузданных черносотенцев и белогвардейцев и англо-японских империалистов, левоэсеровский ЦК говорит о стягивании большевиками к Москве военнопленных и пр. и пр.

Совет Народных Комиссаров не мог, разумеется, потерпеть того, чтобы кучка интеллигентов срывала путем бомб и ребяческих заговоров волю рабочего класса и крестьянства в вопросе войны и мира. Советская власть, опираясь на волю Всероссийского съезда, приняла все необходимые меры к подавлению жалко-

[1] Это второе правительственное сообщение о левоэсеровском мятеже, о первом говорится на стр. 43—44 настоящей книги (*Л. С.*).

го, бессмысленного и постыдного мятежа. Левоэсеровская фракция съезда задержана Советской властью в здании театра. В настоящий момент советские войска окружили тот район, в котором укрепились мятежники против Советской власти. Можно не сомневаться, что в течение ближайших часов восстание левоэсеров — агентов русской буржуазии и англо-французского империализма будет подавлено. Какие дальнейшие последствия будет иметь безумная и бесчестная авантюра левых эсеров для международного положения Советской республики, сейчас еще невозможно предсказать. Но если германская партия крайнего империализма возьмет верх, если на нашу истощенную, обескровленную страну снова обрушится война, то вина за это целиком и полностью падет на партию левоэсеровских изменников и предателей.

Пусть в этот критический час все рабочие и крестьяне ясно и твердо оценят положение и единодушно сплотятся вокруг Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Совет Народных Комиссаров

«Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

К ЛИКВИДАЦИИ МЯТЕЖА ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

(Официальное сообщение)

7 июля 1918 г. [1]

Безумное восстание так называемых левых эсеров ликвидировано. Судебно-следственная власть выяснит в ближайшие дни точную фактическую картину этой беспримерной авантюры и установит степень ответственности отдельных ее участников. Но политический смысл московских событий 6—7 июля совершенно ясен уже в настоящий момент.

Подчиняясь давлению буржуазных классов общества, левые эсеры за последние недели делали все более и более настойчивые усилия к тому, чтобы вовлечь Россию в войну с Германией. Эти усилия выражались

[1] Этот документ был передан по телеграфу из Кремля в 2 часа 40 минут дня как сообщение бюро печати Совнаркома. В 3 часа его направили на радиостанцию *(Л. С.)*.

не только в указаниях на исключительно тяжкие условия Брест-Литовского договора, но и в измышлении и распространении чудовищных слухов и подозрений, способных возбуждающим образом повлиять на народное воображение. Сознательные рабочие и крестьяне отдают себе, разумеется, достаточно ясный отчет в тягости условий Брест-Литовского договора. Но не менее ясный отчет отдают они себе в том, каковы были бы последствия вовлечения истощенной и обескровленной России в империалистическую бойню. Оттого подавляющее большинство рабочих и крестьян сознательно отвергало разрыв Брестского договора, чего неистово требуют кадеты, правые эсеры, меньшевики и левые эсеры.

Неудача демагогической агитации в пользу войны толкнула левых эсеров на путь бессмысленной и бесчестной авантюры: они решили посредством террористического акта вовлечь Россию в войну против *воли рабочих и крестьян.* После того, как Пятый Всероссийский съезд Советов категорически одобрил внешнюю политику Совета Народных Комиссаров, некий Блюмкин произвел, по постановлению Центрального Комитета партии левых эсеров, убийство германского посла графа Мирбаха.

Совершая этот провокационный акт, левые эсеры опирались не столько на свой партийный аппарат, сколько на то официальное положение, какое они занимали в качестве советской партии. При поддержке своей партии Блюмкин проник в состав Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Воспользовавшись своим официальным положением, он захватил в свои руки одни документы, подделал другие, проник под официальным прикрытием своего положения в помещение германского посла и совершил там продиктованное ему Центральным Комитетом партии убийство.

Одновременно левые эсеры открыто приступили к мятежническим действиям, которые имели своей целью насильственно передать государственную власть из рук Всероссийского Съезда Советов в руки той партии, которая на этом Съезде оказалась в меньшинстве. Члены ЦК левых эсеров пытались развернуть восстание, опираясь на часть отряда Комиссии по борьбе с

контрреволюцией. Этот отряд состоял под командой левого эсера Попова. Вовлеченные в заговор части отряда Попова, усиленные деморализованными элементами из состава Черноморского флота, выдвинули уличные караулы и патрули, арестовывали отдельных представителей Советской власти, разоружали и обстреливали отдельные группы красноармейцев. В распоряжении мятежников находились пулеметы, орудия и броневики.

Так развернулось 7-го июля восстание советской партии, оказавшейся в меньшинстве, против власти Советов.

Успех восстания (если бы эта авантюра могла иметь успех) означал бы: немедленную войну с Германией и крушение Советской власти, так как ни один здравомыслящий человек не мог, разумеется, допускать, что левые эсеры окажутся способны хотя бы на 24 часа удержать в своих руках власть, вырванную из рук рабочих, крестьянских и красноармейских Советов. По существу всего положения, левые эсеры выступали 6—7 июля только как боевая дружина на службе контрреволюционной буржуазии, для которой они расчищали дорогу.

В этих условиях Совет Народных Комиссаров мог принять только одно решение: в самый короткий срок подавить мятеж, в котором легкомыслие, вероломство и провокация соединились в одно отвратительное целое.

Энергичные действия дали результаты в течение нескольких часов. Левые эсеры очистили почту и телеграф, где они хозяйничали в течение двух часов. В среде отряда Попова после первого обстрела со стороны советских войск началось разложение. Значительная часть отряда с возмущением относилась к авантюре и стала целиком на сторону захваченных мятежниками в плен представителей Советской власти тт. Дзержинского, Лациса и Смидовича. Только благодаря этому жизнь их оказалась огражденной от опасности.

Ликвидация мятежа была вполне достойна первоначального замысла и всего хода этой постыдной авантюры. Полная растерянность штаба и деморализация отряда шли параллельно. Поставя перед собой такую цель, как захват государственной власти, вожди левых

эсеров, по-видимому, совершенно не оценивали размеров и значения этой совершенно непосильной для них задачи. Мятежники после ничтожных попыток сопротивления начали посылать в разных направлениях парламентеров, а затем перешли к беспорядочному отступлению.

Преследование бегущих идет сейчас с полным успехом. Число захваченных в плен исчисляется уже сейчас несколькими сотнями. Подробные данные будут представлены правительством на ближайшем заседании Всероссийского Съезда Советов, который скажет свое решающее слово как по поводу мятежа 6—7 июля, так и по поводу всей судьбы так называемой партии левых эсеров.

«Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

ВОЗЗВАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И МОСКОВСКОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

7 июля 1918 г.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ!

Снова наступили тревожные дни. Советская Россия стоит накануне грозных событий. Кучка безумных истерических интеллигентов, идя наперекор воле подавляющего большинства, ныне заседающего в Москве Съезда Советов, желая разорвать Брестский мир и втянуть вас в войну с империализмом, убила германского посла Мирбаха и подняла знамя восстания против Рабоче-Крестьянского Правительства, против Советской власти. В тяжелой обстановке продовольственного и общего экономического кризиса в тот момент, когда на Волге и в Сибири пылает восстание белогвардейцев, когда лишь начала расти и укрепляться наша Красная Армия,— главари партии левых эсеров пытаются посредством провокационного убийства и мятежа втянуть нас в гибельную для рабочего класса войну. Эти же цели преследуют и белогвардейцы, которые знают, что, навязав нам войну, они совместно с империалистами проделают над нами то, что они про-

делали над рабочими Украины. Мятеж эсеров — вода на мельницу контрреволюции.

Но российский пролетариат слишком дорогой ценой завоевал себе власть и право самостоятельно строить свою жизнь и всяким группам и кучкам, пытающимся навязать свою волю державному пролетариату, он укажет надлежащее место.

Рабочий класс и его союзы знают, что великая освободительная война против империализма ведется не путем бунтарских вспышек и разрозненных выступлений, а путем организованной, выдержанной, последовательной и беспощадной классовой борьбы.

Рабочий класс не может позволить играть судьбами пролетарской революции кучке безумцев или провокаторов. И во главе со своими профессиональными союзами, преданными делу революции, во главе со своими союзами, неусыпно стоящими на страже его интересов,— пролетариат найдет в себе силы перенести эту подлую измену вчерашних союзников — левых эсеров,— сумеет положить конец бунтам, мятежам и провокации.

Рабочие! Встаньте стальной стеной вокруг своих союзов и советов! Профессиональные работники — встаньте на свои боевые посты! Все — на защиту Советской власти! Будьте готовы откликнуться на всякий призыв Советской власти и руководящих центров ваших профессиональных союзов.

Дорогое нам дело революции в опасности — все на защиту наших завоеваний! Организованность, выдержку и железную пролетарскую дисциплину противопоставим мы напору банд бунтарей и белогвардейцев и МЫ ПОБЕДИМ!

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.
МОСКОВСКИЙ СОВЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

«Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ V ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ И КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ ПО ПОВОДУ УБИЙСТВА ЧЛЕНОМ ПАРТИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ БЛЮМКИНЫМ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА гр. МИРБАХА И ПО ПОВОДУ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

9 июля 1918 г.

...1. Убийство германского посла явилось тем более позорным преступлением, что организаторы и исполнители этого дела использовали свое положение в качестве Советской партии, бесчестно злоупотребили своими официальными постами для того, чтобы путем предательского удара из-за угла сорвать твердую, непреклонную волю Советской власти — обеспечить для рабочих и крестьян России оплаченный столь дорогою ценою мир.

2. Убийство германского посла явилось составной частью заговора, направленного на то, чтобы путем вооруженного восстания передать власть из рук рабочих и крестьянских Советов в руки авантюристической партии, которая стремится во что бы то ни стало вовлечь Россию в войну, действуя в этом отношении заодно с русской контрреволюционной буржуазией и с англо-французскими империалистами, наступающими в настоящий момент на Советскую Республику с Мурманского севера.

3. Всероссийский Съезд целиком и полностью одобряет энергичную политику Совета Народных Комиссаров, направленную на ликвидацию преступной и безумной авантюры левых с.-р., и требует суровой кары для преступников, с оружием в руках посягнувших на Советскую власть и поставивших страну перед непосредственной опасностью новой войны.

4. В отношении партии левых с.-р. Всероссийский Съезд заявляет, что поскольку те или иные части этой партии солидаризируются с попыткой вовлечения России в войну путем убийства Мирбаха и восстания против Советской власти, этим организациям не может быть места в Советах Рабочих и Крестьянских Депутатов.

5. Торжественно подтверждая, что главной задачей Советской власти в области внешней политики остается по-прежнему обеспечение мира для истощенной страны, Всероссийский Съезд заявляет, что в случае иноземного нашествия, с чьей бы стороны оно ни исходило, обязанностью всех рабочих и крестьян и всех честных граждан явится беззаветная защита Советского отечества против империалистов.

«Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. Москва, 4—10 июля 1918 г.» М., 1918, стр. 208—209.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Спирин Леонид Михайлович

КРАХ ОДНОЙ АВАНТЮРЫ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. Ф. Филатова*

Младший редактор *А. С. Кочеткова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 2 июня 1971 г. Подписано в печать 8 сентября 1971 г. Формат 84 X 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 6,3. Учетно-изд. л. 6,03. Тираж 100 тыс. экз. А00356. Заказ № 553.
Цена 22 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.